

ПОСЛЕДНИЙ МЕРИДИАН

Михаил Рябцев

ПОСЛЕДНИЙ МЕРИДИАН

«Автор»

2026

Рябцев М. Ю.

ПОСЛЕДНИЙ МЕРИДИАН / М. Ю. Рябцев — «Автор», 2026

Мир пережил катастрофу: океан поглотил города, старые системы продолжают работать без людей, а уцелевшие поселения живут по законам тех, кто контролирует воду, энергию и путь к спасению. Двадцатидвухлетний механик Илья Северин получает след, оставленный исчезнувшим дедом, и отправляется через затопленный мир. Вместе со спасателем Катериной Воронцовой ему предстоит пройти штормы, подводные комплексы, мёртвые мегаполисы и острова, скрывающие опасные тайны проекта «Глубина». За ними охотится организация «Рубеж», а каждая найденная правда делает дорогу опаснее. Чтобы добраться до последнего меридиана, Илье и Катерине придётся научиться доверять друг другу — и решить, что важнее: спастись самим или вернуть надежду другим. «Последний меридиан» — напряжённый постапокалиптический роман о выживании, тайнах прошлого, любви и цене свободы.

© Рябцев М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний меридиан	5
Содержание	6
ПРОЛОГ	8
До того, как погас маяк	9
ЧАСТЬ I. ТОЛЬКО ВОДА	12
ГЛАВА 1	12
Белая стена	13
ГЛАВА 2	16
Посылка для Северина	17
ГЛАВА 3	21
Четыре шага суши	22
ГЛАВА 4	25
Зубы под настилом	26
ГЛАВА 5	29
Дыхание в эфире	30
ГЛАВА 6	33
Не ходи на белый свет	34
ЧАСТЬ II. ДЕВУШКА НА ПЛАТФОРМЕ	37
ГЛАВА 7	37
Оранжевый огонь	38
ГЛАВА 8	42
Живой человек напротив	43
ГЛАВА 9	48
Вода на двоих	49
ГЛАВА 10	54
Час до шторма	55
ГЛАВА 11	59
Пока держатся опоры	60
ГЛАВА 12	65
Имя на обороте	66
ГЛАВА 13	70
Сквозь затонувшее солнце	71
ЧАСТЬ III. БАШНЯ МЁРТВЫХ ГОЛОСОВ	75
ГЛАВА 14	75
Игла над пустотой	76
ГЛАВА 15	80
Очередь длиной в семь лет	81
ГЛАВА 16	85
Двадцать восемь секунд лжи	86
ГЛАВА 17	89
Чистый канал	90
ГЛАВА 18	94
Канат между огнём и морем	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Михаил Рябцев

ПОСЛЕДНИЙ МЕРИДИАН

Последний меридиан

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

MIKHAIL PLAY

Семь лет назад океан забрал города. Теперь он возвращает Илье Северину посылку от человека, которого давно считают мёртвым.

После гибели транспорта «Ладога» двадцатидвухлетний механик остаётся один на самодельном плоту — без координат, почти без воды и с хищником, который не уходит. Среди обломков Илья находит герметичную сумку со своим именем. Внутри — часы пропавшего деда, тетрадь с чертежами и предупреждение: не доверять самому сильному сигналу.

Но кто пронёс посылку на борт? Почему её велено было открыть только в семнадцатом секторе? И кто идёт за Ильёй без огней, когда из радиопомех впервые отвечает живой человек?

Чтобы добраться до людей, ему придётся превратить останки погибшего мира в дом, научиться слышать океан и решить, какой голос ведёт к спасению, а какой — в ловушку.

В мире, где громче всего звучат ловушки, спасение приходится искать по слабому голосу.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

Содержание

Пролог. До того, как погас маяк

Часть I. Только вода

- Глава 1. Белая стена
- Глава 2. Посылка для Северина
- Глава 3. Четыре шага суши
- Глава 4. Зубы под настилом
- Глава 5. Дыхание в эфире
- Глава 6. Не ходи на белый свет

Часть II. Девушка на платформе

- Глава 7. Оранжевый огонь
- Глава 8. Живой человек напротив
- Глава 9. Вода на двоих
- Глава 10. Час до шторма
- Глава 11. Пока держатся опоры
- Глава 12. Имя на обороте
- Глава 13. Сквозь затонувшее солнце

Часть III. Башня мёртвых голосов

- Глава 14. Игла над пустотой
- Глава 15. Очередь длиной в семь лет
- Глава 16. Двадцать восемь секунд лжи
- Глава 17. Чистый канал
- Глава 18. Канат между огнём и морем
- Глава 19. Тишина посреди слова

Часть IV. «Орфей»

- Глава 20. Широта без имени
- Глава 21. Райский уголок
- Глава 22. Сердце лагуны
- Глава 23. Стеклянная глубина
- Глава 24. Ржавый пульс
- Глава 25. Пустое кресло у моря
- Глава 26. Седьмая искра
- Глава 27. Эвридика
- Глава 28. Музыка за рифом

Часть V. Город из обломков

- Глава 29. Мёртвый сигнал
- Глава 30. Небесные тросы
- Глава 31. Горечь прошлого
- Глава 32. Салют над бездной
- Глава 33. Оборванный путь
- Глава 34. Приговор К-9
- Глава 35. Идеальный круг

Часть VI. Стеклянная громадина

- Глава 36. Глухой венец
- Глава 37. Не двигаться!
- Глава 38. Голодные мутанты
- Глава 39. Почти элитные высоты...

Глава 40. Все — цели

Глава 41. Белый приговор

Глава 42. Волшебный ключ

Глава 43. Последний герой

Часть VII. Опасная глубина

Глава 44. Шпиль

Глава 45. Сухой ярус

Глава 46. Стрела пророчества

Глава 47. Царство исполинских теней

Глава 48. Двойное жерло

Глава 49. Мегалодон

Глава 50. Геометрия капкана

Глава 51. Крах титанового бога

Глава 52. Люди?

Часть VIII. Утопия

Глава 53. Последняя надежда

Глава 54. Дом сверчка

Глава 55. Тайна Мило

Глава 56. Полёт нормальный

Глава 57. Пульс Утопии

Глава 58. Голос над ареной

Глава 59. Псы позорные

Глава 60. Погоняя!

Глава 61. Штаб-квартира

Глава 62. Спасли всех!

Глава 63. Нежданный пир

Эпилог. Жить...

ПРОЛОГ

До того, как погас маяк

Красный свет добрался до аппаратной раньше воды.

Он вспыхнул под потолком, прошёл по стеклу пультов и лёг на лица людей, которые ещё несколько минут назад спорили о процентах и допустимых пределах. Теперь никто не спорил. На центральном экране карта океанических разломов покрывалась алыми точками, и каждая новая точка означала, что ещё один расчёт оказался ложью.

Александр Северин смотрел на цифры, пока в них не осталось ничего, что можно было бы исправить.

— Третий контур снова растёт, — сказала женщина у дальней консоли. Это уже был не доклад, а предупреждение. — Резервный сброс не отвечает.

— Повтори в общую сеть.

— Там тишина.

Станцию тряхнуло. Из потолочного шва брызнула вода, тонкая и быстрая. Она попала Александру за ворот, стекла между лопаток. Холод привёл мысли в порядок лучше сирены.

На двери ещё читалась надпись: «Сектор С-4. Допуск только для персонала проекта». Под ней вода собиралась в лужу.

Голос из динамика прозвучал ровно, почти буднично:

— Северин, отойдите от пульта. Центральный узел забирает управление.

Александр не ответил. Снял очки, вытер их краем рубашки и снова надел. Стёкла тут же покрылись мелкими каплями.

— Александр Сергеевич, слышите меня?

— Слышу прекрасно.

— Тогда выполняйте приказ. Система ещё стабилизируется.

На экране лопнула ещё одна зелёная линия.

— Это уже не система, — сказал Александр. — Вы подожгли цепь с двух концов и теперь называете огонь стабилизацией.

Он сорвал пластиковую крышку с разъёма ручного управления. Под ней находилась сервисная плата старого образца — последняя вещь в помещении, которой он доверял. Молодые инженеры требовали убрать её ещё три года назад. Руководство не выделило деньги. Впервые за долгое время жадность начальства оказалась полезной.

— Не трогайте маяк. Через него идёт эвакуация.

— Это не эвакуация. Через маяк вы сортируете людей.

— У вас нет всей информации.

— Поэтому я до сих пор здесь.

Александр вставил тонкий ключ под панель, повернул и услышал сухой треск. Пластик отошёл. Он вытащил два провода, проверил маркировку и замкнул контакты отвёрткой.

Главный маяк погас.

Сирена умолкла на один удар сердца. В наступившей тишине стало слышно, как за стеной набирает силу вода.

Потом помещение наполнилось голосами. Кто-то требовал восстановить связь. Кто-то называл фамилии людей с высшим допуском. Женщина у дальней консоли несколько раз повторила имя своего сына, хотя микрофон перед ней давно не работал.

Александр отключил потолочные динамики.

— Что вы наделали? — спросила женщина.

— Оставил тем, кто снаружи, шанс не прийти к ним прямо в руки.

Он подошёл к металлическому столу. На нём лежала толстая тетрадь в сером переплёте. Её угол обгорел во время первого сбоя, страницы разбухли от влажности, но карандашные

записи уцелели. Александр открыл разворот с картой северного контура и перечеркнул основной маршрут.

Семнадцатый сектор.

Промежуточная платформа.

Служебный узел доставки.

Не основной свет.

Ниже он написал крупно, продавив карандашом бумагу:

«Если услышишь самый сильный сигнал — не верь ему».

Рука дрожала. На этот раз не от возраста. Он хотел написать больше: объяснить, почему ушёл из дома в день, когда вода уже стояла на соседней улице; признаться, что обещание вернуться было не утешением, а планом; попросить прощения у дочери и у мальчика, который сделал вид, что не расстроился.

Времени хватило на одну строку:

«Илья, я не бросил тебя. Я не успел».

Станцию снова ударило. Один из экранов погас, осыпав стекло на пол.

Александр убрал тетрадь в жёлтую герметичную сумку. Туда же положил механические часы, маленький компас, сложенную карту течений, свёрток прозрачной плёнки, два карандаша, тонкую трубку, складную металлическую кружку и жетон проекта — круг, пересечённый вертикальной линией. Потом достал из внутреннего кармана ламинированную карточку и заполнил её от руки.

Получатель: Илья Северин.

Доставка: лично.

Условие передачи: после входа в сектор 17.

Он задержал карандаш над строкой «Отправитель», затем оставил её пустой.

Сумка предназначалась не морю. В стене аппаратной находилась пневматическая шахта служебных грузов. В мирное время по ней отправляли накопители данных к автономному буйковому узлу ПП-17. Оттуда капсулу должна была принять старая сеть «Меридиана»: передать в архив северного контура, сохранить метку получателя и ждать, пока где-нибудь в реестрах появится Илья.

Если сеть ещё жива.

Если архив не захвачен.

Если человек, который однажды увидит метку, решит выполнить инструкцию, а не вскрыть сумку.

Это было слишком много «если». Но в отличие от случайного дрейфа у маршрута существовал адрес.

Александр поместил сумку в транспортный кожух, захлопнул замки и ввёл код доставки.

На маленьком дисплее появилась надпись:

ПП-17 / АРХИВ СЕВЕРНОГО КОНТУРА / ЛИЧНАЯ ПЕРЕДАЧА.

— Северин! — ударил в дверь чужой голос. — Откройте!

Он нажал кнопку запуска.

В шахте глухо хлопнуло. Капсула ушла вниз, к внешнему каналу, а затем — по направляющей к автономному бую. На экране зажглась движущаяся точка.

Посылка отправилась не искать внука в океане. Она отправилась ждать его.

Александр включил резервный передатчик.

— Всем, кто принимает эту частоту. Главный маяк скомпрометирован. Не идите на белый свет. Приёмный огонь семнадцатого сектора отключён. Используйте промежуточные координаты.

В наушниках трещал пустой эфир.

— Повторяю: главный маяк ведёт не к эвакуации.

Дверь аппаратной выгнулась внутрь. По швам побежали толстые струи.

Александр наклонился к микрофону.

— Илья, если однажды это услышишь... не верь даже мне. Проверь всё сам.

Переборка лопнула.

Чёрная вода ворвалась в помещение, сбила стул и погасила красный свет. Александр успел схватиться за край пульта. Последним, что он увидел перед темнотой, была маленькая зелёная точка на экране.

Капсула достигла ПП-17.

ЧАСТЬ I. ТОЛЬКО ВОДА

ГЛАВА 1

Белая стена

Сознание вернулось вместе с водой.

Она плескалась у самого уха, поднимала настил, на котором лежал Илья, и каждый раз отпускала его чуть резче. Щекой он чувствовал шершавый пластик, губами — соль. Попытался вдохнуть и захлебнулся.

Тело сработало раньше памяти. Он перевернулся на бок, закашлялся и вцепился пальцами в край обломка. Из горла вышла вода, потом горькая слюнь. Воздух входил короткими порциями и царапал грудь так, словно внутри осталась стеклянная крошка.

Илья лежал, прижавшись лбом к мокрой поверхности, и считал вдохи. На четвёртом перестал ждать, что лёгкие снова откажут. На десятом открыл глаза.

Над ним было небо.

Не потолок машинного отсека, не аварийные лампы и не трубы, ещё вчера дрожавшие вместе с «Ладогой». Солнце стояло низко, но уже било в лицо. Илья прикрылся ладонью и увидел кровь на пальцах.

Порез начинался у виска и уходил в волосы. Кожа вокруг распухла. Левое плечо отзывалось болью на любое движение, а в затылке пульсировало с такой точностью, будто кто-то стучал изнутри.

— Эй... здесь кто-нибудь есть?

Голос не получился. Он сглотнул соль и позвал ещё раз:

— Отзовитесь!

Океан ответил шорохом мелких волн.

Илья сел. Под ним качались два листа палубного настила, зажатые перекрученным алюминиевым профилем. На одном сохранилась белая полоса с синим краем. Такие листы лежали в коридорах нижней палубы «Ладоги».

Название судна вытянуло из памяти последние минуты.

Транспорт шёл на северо-восток. Третий день барахлил насос охлаждения, и после ужина Илья спустился проверить его, хотя сменный механик велел дожидаться утра. Затем корпус резко лёг на левый борт. Свет погас. По внутренней связи закричали о жилетах, но слова утонули в треске.

Илья успел поднять голову к круглому иллюминатору.

За стеклом росла белая полоса. Не гребень обычной волны — целая стена, выше надстроек, выше мачты. Механик рядом произнёс: «Такого не бывает».

В следующую секунду стекло исчезло.

Дальше была только белизна.

Илья огляделся.

От судна остался широкий пояс мусора. Метрах в двадцати качалась вверх дном спасательная шлюпка. Дальше торчал обломок мачты. Между ними дрейфовали двери, доски, упаковки, одежда, части контейнеров. Радужная плёнка топлива расплзлась по воде и пахла так сильно, что мутило.

Ни носа, ни кормы. Ничего, что могло бы подать сигнал или удержать людей.

— Эй! — крикнул Илья. — Кто-нибудь слышит?

Слева протяжно скрипнул металл.

За полосой обломков переворачивалась сорванная дверь. На ней лежал человек в оранжевой рабочей куртке. Одна рука свисала в воду и двигалась вместе с волной, слишком свободно.

Илья не сразу поверил глазам.

— Вы меня слышите?

Человек не ответил.

Илья нашёл длинный профиль, опустил его в воду и начал грести. Настил развернуло почти на месте. Плечо прострелило до локтя. Он сменил руку.

Пятнадцать метров стали тяжёлой работой. Волна отталкивала дверь, металл скользил, ладони срывались. Илья всё равно продолжал, хотя уже понимал, что торопиться некуда.

— Подождите! — крикнул он и тут же понял, насколько бессмысленно это прозвучало.

Когда осталось несколько метров, дверь накренилась. Голова мужчины повернулась. Разбитый нос, приоткрытый рот, глаза, в которых отражалось утро. На воротнике болтался пропуск; вода накрывала фотографию и снова отпускала.

Илья перестал грести.

Дверь прошла рядом. Свисающие пальцы коснулись воды у самого края настила. Он смотрел, пока оранжевая куртка не затерялась среди обломков. Только тогда его вырвало.

В желудке почти ничего не было, и от судорог заболели рёбра. Илья вытер рот тыльной стороной ладони. Перед глазами оставалось чужое лицо. Он пытался вспомнить мужчину на борту — в столовой, в коридоре, у насосов, — но память подсовывала лишь оранжевый цвет.

Солнце поднималось. Жара приближалась без спешки, уверенная, что никуда он не денется.

Вода. Тень. Сигнал.

Три задачи. Не жизнь целиком — только ближайшие часы.

Илья проверил карманы. Разбитый телефон с вырванным экраном. Связка ключей. Карточка техника. Маленькая отвёртка в нагрудном кармане. Ножа не было. Жилета тоже.

На поясе зацепился обрывок страховочного троса. Конец был не перерезан — крепление вырвало из стены. Возможно, именно трос удержал его на настиле, когда судно разломилось.

Под шлюпками «Ладоги» хранились красные аварийные контейнеры: вода, аптечка, ракеты, термоодеяло. Если хотя бы один всплыл, появлялся шанс продержаться до поисков.

До каких поисков, Илья пока не думал.

Он встал на колени. Настил сразу ушёл вбок, и пришлось распластаться, чтобы не соскользнуть.

— Тише, — сказал он себе. — Сначала сделай так, чтобы эта дрянь не перевернулась.

Собственный голос не утешал. Зато после произнесённых слов руки знали, что делать.

Илья снял ремень, закрепил на пряжке короткий профиль и сделал крюк. Первая доска ушла из-под захвата. Вторая ударила по костяшкам. Третью удалось поймать за торчащий болт и подтянуть.

Он работал правой рукой, левую прижимал к телу. Каждый узел приходилось затягивать зубами. Через час к настилу были привязаны две доски, пустая канистра и кусок решётчатого пола. Сооружение выглядело так, будто его собрали во время драки, зато теперь позволяло переместить вес с одного края на другой.

Илья выловил моток кабеля, бутылку и серый герметичный ящик. Ящик оказался слишком тяжёлым. Настил накренился, край зачерпнул воду. Он почти поднял находку, когда крепление лопнуло. Серый корпус ушёл вниз, оставив цепочку пузырей.

Илья лёг на живот и проводил её взглядом.

Верхний слой воды был прозрачным. Ниже свет быстро густел, становился зелёным, затем чёрным. Там мог лежать целый корабль, и с поверхности он был бы невидим.

Илья отполз к середине плота.

К полудню саднило всё тело. Губы потрескались, язык цеплялся за нёбо. Он знал: за несколько часов от обезвоживания не умирают. Но организм не интересовался знаниями. Вокруг плескались миллиарды литров, и каждая волна напоминала, что пить их нельзя.

Он зачерпнул воду ладонью.

В десять лет дед заставил его попробовать море. Один глоток, не больше.

«Не убьёт, — сказал тогда Александр Северин. — Зато второй раз спорить не станешь». Илья поднёс ладонь почти к губам. Запах топлива остановил его. Он разжал пальцы.

После полудня ветер стих. Поле обломков начало расползаться. Перевернутая шлюпка, на которую он рассчитывал добраться, уходила на юг.

Илья грёб профилем, пока правая рука не задрожала. Плечо онемело, перед глазами поплыли светлые пятна, а шлюпка всё равно отдалялась.

Он опустил бесполезное весло.

— Всё. Хватит.

Слово далось труднее, чем очередной гребок. Отказаться от шлюпки означало признать, что он не способен добраться до всего, что видит.

К вечеру Илья поймал кусок синего тента. Натянул его на две стойки, закрепил кабелем. Тень получилась узкой; приходилось лежать на боку, поджав колени, зато лицо перестало гореть. Из досок он собрал низкий бортик и трижды проверил каждый узел.

Солнце коснулось горизонта. Вода покрылась медными полосами, облака загорелись по краям. Красота раздражала. Море не имело права так выглядеть после того, что лежало на нём.

Мать собирала фотографии закатов. Даже после затопления, когда связь стала редкой и дорогой, просила присылать их из каждого рейса. Говорила, что вечером море особенно хорошо притворяется безопасным.

Перед отплытием они поссорились. Из-за пустяка — Илья уже не помнил, с чего началось. Мать сказала, что он слишком похож на деда: сначала уходит, потом оставляет другим гадать, вернётся ли.

«Я хотя бы возвращаюсь», — бросил он.

Теперь эта фраза звучала не обещанием, а хвастовством человека, который ещё ни разу не проверял её всерьёз.

Илья достал телефон. Экран не включился. Он всё равно провёл пальцем по треснувшему стеклу, нашёл место, где раньше была переписка с матерью.

— Я жив, — проговорил он, проверяя собственный голос. — Пока ещё жив.

С наступлением темноты стало холодно. Мокрый комбинезон прилип к спине. Илья обернул плечи краем тента и устроился между досками, не выпуская профиль из руки.

Далеко у горизонта один раз вспыхнула зелёная точка. Аварийный огонь, звезда, усталые глаза — определить было невозможно. Он ждал повторной вспышки, пока не заболели веки. Свет не вернулся.

Ночью каждый звук стал отдельным. Вода шуршала под настилом. Кабель постукивал о стойку. Доски трелились друг о друга. Иногда снизу доносилось мягкое касание, после которого весь плот едва заметно вздрагивал.

Илья проваливался в сон на несколько минут и просыпался, не понимая, сколько времени прошло.

Сильный толчок поднял один край настила.

Он замер.

У плота проступил вытянутый силуэт. Тёмное тело двигалось под самой поверхностью — широкое посередине, сужающееся к хвосту. На мгновение показалось, что оно длиннее самого плота.

Свисающая нога почти касалась воды. Илья подтянул её к груди.

Силуэт сделал круг. Поверхность разрезал треугольный плавник, задержался рядом и ушёл в темноту.

До рассвета Илья сидел под тентом, сжимая металлический профиль. Спать он больше не пытался.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 2

Посылка для Северина

Утро началось с того, что Илья не сразу вспомнил, где находится.

Он открыл глаза, увидел над собой синий тент и на короткую секунду решил, что лежит в тесной каюте. Потом плот качнулся. За краем блеснула вода.

Память вернулась целиком.

— Второй день, — сказал Илья, будто кому-то отчитывался.

Слова прозвучали неприятно. Второй день означал, что первый не был кошмаром, из которого можно проснуться.

Болело всё: голова, плечо, спина, обожжённые губы, ладони. Даже зубы ныли от ночного холода. Хищник не показывался, но отсутствие плавника не успокаивало. Илья уже знал, что опаснее всего море выглядит, когда на нём ничего нет.

Среди новых обломков мелькнуло красное.

Аварийный контейнер.

Он находился метрах в тридцати и медленно уходил вправо. Илья вскочил, в глазах потемнело. Пришлось опуститься на колени и переждать, пока мир перестанет заваливаться.

— Только не уходи. Не сейчас.

Плот слушался плохо. Привязанная решётка тянула одну сторону, каждый гребок разворачивал конструкцию. Илья менял руки, ругался, снова грёб. Контейнер то исчезал за волной, то появлялся ближе.

Когда осталось три метра, он лёг на живот и вытянул крюк. Первый раз металл соскользнул по пластику. Второй зацепился за ручку.

Контейнер оказался наполовину заполнен водой. Плот накренился, холодная волна плеснула на живот. Илья едва не отпустил находку.

— Нет... теперь уже поздно.

Замок заело. Он вставил отвёртку в щель и давил, пока пластик не хрустнул.

Под крышкой лежали две сигнальные ракеты, аптечка, складной нож, моток верёвки, термоодеяло и три герметичных пакета. В первом был сухой паёк. Во втором — таблетки для обеззараживания. В третьем лежала полулитровая бутылка воды.

Илья схватил её обеими руками.

Вода была тёплой и пахла пластиком. Он сделал три больших глотка и только потом заставил себя отнять бутылку от губ. Тело требовало продолжения так настойчиво, что на секунду стало страшно.

«Медленно», — сказал бы дед.

Илья закрутил крышку.

— Ненавижу это место, — пробормотал он.

Сам не понял, кому именно.

Он съел половину питательного брикета. Сладкая сухая масса прилипла к зубам, но желудок принял её с болезненной благодарностью. Остаток Илья завернул обратно.

С ножом работа пошла иначе. Кабель больше не приходилось рвать о металл, верёвку можно было отмерять, тент — подрезать. Плот всё ещё был кучей обломков, однако теперь в нём появился замысел.

Илья укрепил соединения, привязал красный контейнер как поплавков и сделал из крышки короткое весло. Затем обработал порез у виска. Антисептик обжёг кожу; он зашипел и почти обрадовался боли. Она была понятной, локальной. Не то что пустой горизонт.

К полудню вода закончилась.

Последний глоток Илья растягивал несколько минут и всё равно проглотил слишком быстро. Тент удерживал часть солнца, но воздух под ним стоял неподвижно. Таблетки для обеззараживания лежали рядом.

Они очищали пресную воду.

Не морскую.

Илья знал это, но дважды перечитал инструкцию, словно производитель мог спрятать внизу мелкое исключение для отчаявшихся.

Ближе к вечеру течение принесло тяжёлый фрагмент грузовой клетки. Между погнутыми трубами застряли два мягких баула и кусок серой перегородки с номером каюты.

Илья узнал цифры: В-14.

Его каюта.

Один из баулов был его. Чёрный, с белой полосой, которую мать пришила после того, как он перепутал вещи в первом рейсе. Илья зацепил клетку верёвкой и подтянул. Металл шёл тяжело. Каждый рывок отдавался в левом плече.

— Давай. Ещё немного.

Клетка ударилась о плот. Из неё высыпались мокрые рубашки, ботинок, чей-то фотоальбом. Илья схватил свой баул, но молния была разорвана, внутри остались только носок и зарядный кабель.

За ним виднелась жёлтая сумка.

Он не помнил её в каюте.

Сумка сидела между трубами плотно, ремень намотало на обломок крепления. Илья перерезал его ножом и втащил находку на настил.

На боку сохранилась ламинированная бирка. Он стёр с неё мазут большим пальцем.

«Транспорт “Ладога”. Рейс 04-17».

Ниже:

«Получатель: Илья Северин».

И ещё одна строка, напечатанная крупнее остальных:

«Передать лично после входа в сектор 17».

Илья перечитал её три раза.

Сумка не приплыла к нему из прошлого. Кто-то доставил её на «Ладогу», положил рядом с его вещами и не сказал ни слова.

На обороте бирки было поле отправителя. Его закрывала чёрная полоса, нанесённая не маркером — специальной термокраской. Такие метки использовали в служебных грузах, когда имя скрывалось до подтверждения получателя.

Илья попробовал поддеть покрытие ножом. Оно не отслаивалось.

Дата приёмки стояла за шесть дней до выхода «Ладоги».

В тот день он ещё находился в «Гавани». Никто не спрашивал его о посылке. Ни капитан, ни кладовщик, ни механик.

— Откуда ты вообще знал, что я окажусь на этом рейсе?

Вопрос прозвучал тише, чем он хотел.

Замки сумки были целы, однако под внешним клапаном Илья заметил оборванную заводскую пломбу. Кто-то уже вскрывал внутренний отсек, а потом аккуратно закрыл сумку и отправил дальше. Илья долго держал пальцы на застёжке. Ему казалось, что после открытия на плот войдёт ещё один человек — не живой, но достаточно близкий, чтобы снова злиться.

Он дёрнул молнию.

Сверху лежала тетрадь в сером переплёте.

Под ней — механические часы, маленький компас, сложенная карта течений, свёрток прозрачной плёнки, два карандаша, тонкая трубка, складная металлическая кружка и плоский жетон. На жетоне была выбита окружность, пересечённая вертикальной линией.

Илья взял часы.

На задней крышке осталась царапина в форме буквы «И». Он сделал её отвёрткой в двенадцать лет. Дед тогда не ругался, только сказал: «Теперь точно не перепутаю с чужими».

Семь лет Илья представлял, что скажет, если Александр Северин вернётся. Иногда это была длинная речь. Иногда удар. Иногда он просто проходил мимо, не удостоив старика взглядом.

Дед не вернулся.

Вернулись часы — аккуратно упакованные, подписанные и отправленные по маршруту, которого Илья не понимал.

Он сжал их в ладони. Металл нагрелся от солнца.

В тетради был знакомый угловатый почерк.

«Море ошибок не прощает. Зато почти всегда предупреждает. Смотри внимательнее».

Ниже шёл список признаков шторма. Следующая страница была посвящена узлам. Потом — ремонту ручной помпы. Затем — опреснению воды с помощью солнца.

Илья перечитал последний заголовок.

В сумке лежала прозрачная плёнка.

Металлическая кружка.

Тонкая трубка, которую он сперва принял за упаковку.

— Ты всё это заранее рассчитал?

Это было невозможно. Дед не мог знать ни о крушении, ни о плоту, ни о жажде. Но кто-то собрал набор так, чтобы им можно было воспользоваться сразу. И велел передать именно здесь, в семнадцатом секторе.

По схеме требовалась широкая ёмкость. Внутри ставился пустой сосуд, морская вода наливалась вокруг, сверху натягивалась плёнка с грузом в центре. Испарение собиралось на внутренней стороне и стекало в кружку.

Илья использовал красный контейнер. Поставил кружку, натянул плёнку, прижал края кабелем, на середину положил гайку.

Конструкция выглядела слишком простой, чтобы спасти ему жизнь.

Через двадцать минут на плёнке появились капли.

Илья смотрел на них, не моргая. Одна выросла, поползла к центру и упала в кружку.

Звук был почти неслышным.

Илья коротко рассмеялся. Смех сорвался в кашель, но за ним пришёл ещё один. Нервный, злой, облегчённый.

— Даже отсюда умудряешься командовать, — сказал он тетради.

К вечеру набралось несколько глотков. Вода была тёплой, пахла пластиком и металлом. Илья пил медленно, закрыв глаза. Лучшего вкуса он не помнил.

Между страницами тетради лежала фотография. Дед стоял рядом с высоким мужчиной в светлой рабочей куртке. Оба были моложе. За спинами поднималась морская платформа, на её борту виднелся знак с жетона.

Лицо второго мужчины было перечёркнуто карандашом.

На обороте:

«Сергей. До запуска — 19 дней. Если расчёты верны, мы уже опоздали».

Илья провёл пальцем по имени. Ничего не вспомнил.

Ниже, почти у самого края фотографии, была ещё одна надпись, сделанная другим почерком:

«Груз принят. Получатель найден. Передача — сектор 17».

Илья снова прочёл имя на бирке.

Слова совпали.

Значит, между исчезновением деда и рейсом «Ладоги» существовал человек. Кто-то получил капсулу, сохранил её семь лет, нашёл Илью и поместил груз на судно.

Почему не отдал в «Гавани»?

Почему ждал сектора семнадцать?

И почему «Ладога» погибла именно здесь?

Ночью ветер изменился. Плот развернуло. Вдалеке несколько раз сверкнуло, хотя грома не было. Илья убрал тетрадь в сумку и привязал её к поясу дополнительным тросом.

Перед тем как лечь, Илья отыскал взглядом дверь, на которой утром лежал мужчина в оранжевой куртке.

Дверь ещё виднелась в лунном свете.

Тела на ней не было.

Илья долго убеждал себя, что его смыло волной.

Потом у самого плота тяжело плеснуло.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 3

Четыре шага суши

На третье утро море принесло целую улицу.

Сначала проплыла детская пластиковая лошадка без одной ручки. Затем дорожный знак, покрытый ракушками. Потом деревянная дверь с латунной цифрой «47». За ней тянулся пояс мусора: доски, бутылки, куски мебели, канистры, обрывки сетей, провода, выцветшие упаковки.

Ещё два дня назад Илья увидел бы в этом остатки чужих домов. Теперь он видел материалы.

Бутылки — поплавки.

Доски — настил.

Сеть — рыба.

Провод — крепёж.

Даже дверная петля могла стать крюком.

Это пугало сильнее, чем хотелось признать. Привыкание началось слишком быстро.

Илья сделал багор из профиля и загнутого болта. Первой попыткой выловил бутылку, второй — кусок фанеры. На третьей багор застрял в сети и едва не выдернул его за борт.

Он раскрыл тетрадь, прижатую камнем к настилу.

— «Не жадничай. Всё, что тяжелее тебя, принадлежит морю, пока не докажешь обратное», — прочитал он вслух. — Спасибо. Очень вовремя.

Разговаривать с тетрадью стало привычкой. Илья замечал это и каждый раз обещал прекратить. Через пять минут снова комментировал дедовы записи.

Плот рос весь день. Новые доски он укладывал поперёк старых, стягивал верёвкой, усиливал кабелем. Под настил привязывал бутылки и пенопласт. К вечеру можно было сделать четыре шага от одного края до другого.

Илья прошёл их несколько раз.

Четыре шага прямой поверхности, которая не качалась отдельно под каждой ступнёй. Четыре шага земли, построенной собственными руками.

Он перенёс опреснитель подальше от места сна, поднял тент и соорудил низкий бортик. Из сетки сделал карман для мелких находок. Работая, он почти не боялся. Пока у каждой вещи было назначение, океан превращался в задачу.

Задачи Илья понимал лучше людей.

В полдень он нашёл пластиковый ящик. Внутри плавали размокшие бумаги и три банки. Две вздулись. Третья выглядела целой, но этикетка стёрлась.

Илья вскрыл её. Запах оказался сладковатым, неприятным.

«Если сомневаешься, еда перед тобой или отрава, считай, что отрава».

Банка полетела за борт.

У поверхности сразу мелькнула серая спина.

Илья отшатнулся. Хищник не показал плавник — только широкие круги разошлись среди мусора.

Он взял металлический прут и начал затачивать один конец. Работа была бессмысленно медленной, но к вечеру в руках появилось подобие копыя.

Поток обломков иссяк. Океан снова очистился, и тишина после рабочего дня стала тяжелее прежней.

Илья съел остаток аварийного брикета, оставив маленький кусок на утро. Опреснитель давал несколько глотков в час при хорошем солнце. На поддержание жизни — возможно. На работу, жару и постоянное напряжение — нет.

Он открыл тетрадь.

Дед писал обо всём: о течениях, сушке одежды, рыболовных крючках, заражённой воде, ремонте клапанов. Между практическими заметками попадались записи, которых в обычном справочнике быть не могло.

«14 апреля. Руководство требует убрать коэффициент нестабильности из итогового отчёта. Сергей отказался подписывать. Я тоже».

Через несколько страниц:

«27 апреля. Они нашли тех, кто подпишет вместо нас».

Потом — схема цилиндрического устройства. Ещё дальше:

«Никогда не следуй за самым сильным сигналом. Самые громкие голоса в море часто принадлежат тем, кто хочет, чтобы его нашли».

Илья провёл пальцем по строке.

Дед любил загадки даже в мастерской. «Если предохранитель сгорел, не ругай его. Он умер вместо чего-то дороже». В детстве это звучало мудро. В пятнадцать раздражало. После исчезновения старика каждая фраза казалась заготовленным оправданием.

На полях повторялись числа:

17-04.

63-11.

9-2-7.

Рядом несколько раз был нарисован круг с вертикальной чертой. Илья приложил жетон к странице. Размер совпал. Повернул металл — через узкую прорезь показались отдельные цифры.

— Что же ты здесь спрятал?

Ветер перевернул страницу вместо ответа.

К вечеру на западе выросла тёмно-синяя полоса. Воздух стал прохладнее, принёс запах дождя. Илья вспомнил первую страницу тетради: низкие облака, резкое падение температуры, птицы против ветра.

Птиц не было, но ждать он не стал.

Расставил все ёмкости: бутылки с отрезанными верхушками, канистру, красный контейнер, кружку. Тент натянул углом, чтобы вода стекала в ящик.

Первые капли падали редко и тяжело. Одна попала Илье в глаз, другая — на губы. Он открыл рот и тут же вспомнил запись:

«После долгой сухой погоды не собирай первые минуты дождя с грязных поверхностей. Дай воде смыть соль, пыль и помёт. Жажда любит торопливых».

— Ну конечно, — сказал Илья. — Даже дождь сначала надо заслужить.

Вода текла по тенту за борт. Он стоял рядом, сжимал кулаки и считал. На двухстах сорока не выдержал, подставил ладони.

Вода была прохладной. Настоящей.

Она текла по лицу, шее, груди. Илья пил, захлёбывался, отнимал ладони и снова подставлял. Потом опомнился и переставил ёмкости под струи.

За двадцать минут он собрал больше, чем опреснитель дал за два дня.

Гроза прошла рядом. Молнии били далеко на севере, гром приходил с задержкой. Волны поднялись, но плот держался. Илья сидел под тентом, прижимая к груди полную бутылку. Его трясло от холода и облегчения.

Слёзы появились без предупреждения.

Он заметил их только потому, что дождь уже закончился. Несколько секунд Илья пытался вытереть лицо, потом перестал.

Плакал не из-за воды. Точнее, не только из-за неё.

Три дня он не позволял себе думать о людях на «Ладогe». О каютах ниже ватерлинии. О механике, сказавшем, что такой волны не бывает. О матери, которая ещё не знает, что транспорт не пришёл. О том, как долго в этом мире могут не замечать исчезновения одного судна.

— Я жив, — выдохнул Илья, прижав лоб к коленям. — Слышишь меня? Я всё ещё жив.

Он не знал, обращается ли к матери, к деду или к самому себе.

Облака ушли, оставив чистое вечернее небо. Илья переоделся в сухую рубашку, найденную среди обломков, и впервые выпил столько, сколько хотел. Не всю воду — половину. Остаток закрыл и привязал к стойке.

Ночью он спал почти четыре часа подряд.

Разбудил скрежет.

Что-то тянуло плот за край. Илья схватил копьё и подполз ближе. В воде блестела сеть, которую он закрепил днём. В ней металась серебристая рыба длиной с предплечье.

— Есть... попалась.

Он вытащил сеть, получил хвостом по лицу и засмеялся. На этот раз смех был нормальным — коротким, удивлённым.

Рыбу пришлось убить ножом.

Она билась, открывала рот, смотрела круглым глазом. Илья держал лезвие и не решался. Ему было стыдно за нерешительность и одновременно стыдно за то, что через минуту он собирался есть это живое существо.

Потом вспомнил пустой пакет от пайка.

Ударил.

Кровь растеклась по решётке, капнула в воду.

Илья сразу почувствовал перемену. Поверхность рядом с плотом разошлась широким кругом.

Серая тень поднялась из глубины.

Он торопливо втянул ноги. Плавник описал полукруг и исчез под самым краем. Плот дрогнул. Одна из новых досок хрустнула.

В темноте за бортом блеснул глаз.

Четыре шага суши вдруг снова стали несколькими досками над чужим миром.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 4

Зубы под настилом

Утром рыба пахла кровью и нагретой чешуёй.

Илья разделал её так, как помнил по дедовым урокам. Нож скользил, руки работали неловко. Он вспорол внутренности и испортил часть мяса, но оставшегося хватило бы на два дня — если удастся сохранить.

С огнём было хуже.

Тратить сигнальную ракету нельзя. Спичек в аварийном контейнере не оказалось. Илья разобрал телефон, достал аккумулятор и замкнул контакты на тонкой металлической стружке. Вспыхнула искра, запахло горелым пластиком.

Высушенные волокна верёвки не загорались.

На пятой попытке стружка вспыхнула, но огонёк погас от ветра. На седьмой занялась бумага из аварийной упаковки. Илья перенёс её в металлическую крышку, добавил сухие волокна верёвки и тонкие щепки. Дым резал глаза, зато пламя держалось.

Запах жарящейся рыбы оказался почти болезненным. Илья обжёг язык первым куском и всё равно проглотил. Мясо осталось сыроватым у кости, отдавало гарью, местами было пересолено морской водой. Лучшей еды он не помнил.

Он съел больше, чем собирался.

Потом лежал под тентом с тяжёлым животом и впервые после крушения думал не о следующем часе, а о завтрашнем дне. Можно было пережить ещё один дождь. Поймать рыбу. Увеличить плот. Починить часы.

Надежда расслабила его быстрее усталости.

Илья не заметил, как течение принесло длинный металлический контейнер. Услышал лишь удар о край. На боку сохранилась маркировка аварийного оборудования. Крышка выглядела герметичной.

Он потянулся багром.

Вода взорвалась у самой руки.

Серая голова ударила в привязанную канистру. Пластик лопнул с сухим хлопком. Плот накренился. Илья поскользнулся на рыбьей крови и полетел за борт.

Холод сжал грудь.

Он ушёл под воду с открытыми глазами. Над головой дрожал светлый прямоугольник плота. Вокруг плавали пузырьки, крошки пенопласта, красные нити крови.

В этой мути двигалось тело.

Акула была около трёх метров. Ночью Илья представлял её больше, но под водой размеры перестали иметь значение. Мышцы плавно перекачивались под серой кожей. Хищник развернулся, почти лениво согнув хвост.

Илья рванулся вверх.

Пальцы нашли край решётки. Он подтянулся, мокрая рубашка потянула вниз. Плот качался. Нога сорвалась.

За спиной изменилось давление воды.

Илья обернулся.

Пасть открылась беззвучно.

Он ударил ногой. Челюсти сомкнулись на икре сквозь ткань штанины и потащили вниз. Боль пришла сразу — горячая, ослепляющая. Крик превратился в пузырьки.

Илья ударил акулу свободной ногой по морде. Один раз, второй. Челюсти не разжались.

Рука нащупала профиль, торчащий между досками. Он выдернул металл и всадил вниз, не целясь. Прут скользнул по коже, попал куда-то у глаза. Акула дёрнулась.

Зубы отпустили.

Илья выбросил себя на плот. Несколько секунд только полз, цепляясь за мокрые доски. Потом увидел ногу.

Штанина была разорвана. Кровь быстро пропитывала ткань. На икре тянулись четыре рваных пореза; самый длинный сильно кровил. Зубы рассекли кожу и подкожную клетчатку, но, похоже, не задели мышцы и крупные сосуды.

— Нет... только не сейчас.

Слово повторялось, пока он рвал упаковку аптечки зубами.

Руки дрожали. Бинт падал. Илья затянул верёвку выше раны, тут же вспомнил про опасность жгута и ослабил. Кровь текла, но не била толчками. Похоже, крупную артерию не задело.

«Не промывай морской водой. Никогда».

Рядом стояла бутылка с дождевым запасом.

Пить или вылить на рану.

Жить сегодня или не умереть от заражения через несколько дней.

Илья открыл крышку.

Когда вода коснулась укуса, крик вышел сам. Розовые струи ушли между досками. Он потратил почти половину запаса, потом использовал антисептик, салфетку и бинт.

Закончив, Илья лежал на спине и смотрел в небо. Оно было чистым, равнодушным, без единого облака.

Акула появилась у края. Медленно прошла вдоль плота. На морде темнела свежая царапина.

— Я тебя всё-таки убью, — сказал Илья акуле.

Угроза прозвучала жалко. Хищник всё равно повернул и исчез.

Металлический контейнер плавал рядом.

Илья увидел его и тихо рассмеялся. Из-за этой вещи он оказался в воде. Бросить её теперь означало признать, что кровь пролилась зря.

Он привязал себя к стойке, лёг на живот и подтянул контейнер багром. На это ушло двадцать минут. Каждое движение отдавалось в ноге.

Внутри лежали ручной фонарь, два фильтра, рыболовные крючки, моток лески и складная сигнальная мачта с аварийным приёмником. Корпус приёмника треснул, батарейный отсек был залит водой.

Илья положил детали сушиться под тентом.

К вечеру его начало знобить.

Сначала Илья решил, что виновато солнце. Потом понял: тело отвечало сразу на всё — потерю крови, обезвоживание, переохлаждение после падения в воду и шок. Кожа вокруг укуса отекала, голова отяжелела, мысли двигались с задержкой. За несколько часов инфекция едва ли успела развиваться, но морская вода в рваной ране делала риск слишком высоким.

В аптечке оставались две ампулы. Одна — антибиотик широкого действия для экстренных случаев. В тетради дед предупреждал не колоть без необходимости и не угадывать дозу.

Риск лежал перед глазами — рваная рана, морская вода и несколько дней без врача.

Илья прочитал инструкцию трижды, рассчитал дозу по весу и сделал укол в бедро.

Ночью сон распался на горячие, спутанные образы.

Он снова оказался в старой мастерской на береговой станции. За окнами существовала суша: мокрый асфальт, ржавый забор, тополя, которые ветер гнул к морю. Дед сидел над разобранном мотором и перебирал шайбы.

— Ты обещал вернуться, — сказал пятнадцатилетний Илья.

— Я дал слово.

Старик не поднял головы.

— Мама всю ночь не ложилась.

— Я помню ту ночь.

— Потом ждала неделю. Потом месяц.

Дед выбирал шайбу, словно от её толщины зависел ответ.

— Там всё сорвалось.

— У тебя всё всегда срывалось.

Илья хотел ударить его, но между ними оказалась вода. Сначала по щиколотку, потом по пояс. Инструменты всплыли. Мотор исчез под поверхностью.

Дед наконец посмотрел на него.

— Услышишь самый сильный сигнал — не ходи к нему.

— Я не про маяк тебя спрашиваю!

— И не стой в воде, если кровь уже попала в море.

За спиной Ильи что-то двинулось.

Он обернулся и увидел открытую пасть.

Проснулся с криком.

Было темно. Плот качало. Нога горела. Илья схватил копьё, но рядом никого не было.

Тетрадь лежала раскрытой. Ветер переворачивал страницы. На одной крупно было написано:

«Если ранен, не позволяй страху заставить тебя двигаться. Потеря сил убивает быстрее боли».

— Тебе легко говорить, — прошептал Илья.

Он закрыл тетрадь и положил рядом, не прижимая к груди и не отодвигая. Достаточно близко, чтобы видеть серую обложку.

Под утро озноб отпустил. Рана выглядела страшно, но кровотечение остановилось. Илья выпил воду, съел холодную рыбу и, устроившись так, чтобы не нагружать ногу, взялся за приёмник.

Плата была простой. Коррозия ещё не успела разесть контакты. Он разобрал корпус, промыл детали несколькими каплями дистиллированной воды и разложил на солнце.

Из телефона можно было взять аккумулятор. Из фонаря — провод. Из мачты — антенну.

Работа займёт весь день — если аккумулятор вообще примет заряд.

Если он протянет до вечера.

Илья всмотрелся в ровную линию горизонта.

— Значит, и это переживу.

Вдали появился знакомый плавник. Он шёл медленным кругом, не приближаясь.

Илья провёл ногтем по острию копья.

Теперь они оба знали, что другой умеет причинять боль.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 5

Дыхание в эфире

На пятый день Илья научился различать тишину.

Утренняя пахла холодным металлом. Дневная звенела в ушах от жары. Ночная состояла из плеска, скрипа и голосов, которых не было.

Хуже всего становилось после собственного крика.

— Приём. Любая станция, любое судно, ответьте. Транспорт «Ладога» потерпел крушение. На плоту один выживший. Координат не знаю.

Илья отпустил кнопку.

Динамик зашипел.

Он ждал.

Шум менялся, и мозг превращал его в речь. Треск напоминал согласную, свист — далёкий голос, короткая пауза — чьё-то дыхание перед ответом.

Ответа не было.

— Повторяю: один человек жив. Нужна помощь.

Шипение.

— Я живой, чёрт возьми. Ответьте хоть кто-нибудь.

Шипение.

Передачик работал от аккумулятора телефона и маленькой динамо-машины. Заряда хватало на короткие сеансы. Илья крутил рукоятку до боли в ладони, говорил, снова крутил.

Нога после укуса всё ещё болела, но опухоль уменьшилась. Илья работал преимущественно сидя; когда приходилось вставать, переносил вес на пятку и держался за мачту. Чистая вода, вовремя обработанная рана и удача сделали своё дело.

Акула не атаквала. Иногда плавник показывался вдали, иногда тень проходила под плотом. У спинного плавника был белый рубец. Илья решил, что это один и тот же хищник, а не целый океан одинаковых тел.

Назвал её Шрамом.

— Не обольщайся, — сказал он плавнику. — Мы с тобой не друзья.

Шрам ушёл под воду.

Плот менялся. Появилось место для сна, низкая мачта, закреплённый опреснитель, сетка с полосками рыбы и руль из дверцы шкафа. Паруса ещё не было, но Илья уже примерял к мачте синий тент.

На краю настила он вырезал пять коротких линий.

Пять дней.

Время измерялось не часами, а жаждой, солнцем и количеством оставшейся еды. Дедовы часы Илья разобрал, очистил и завёл. Они отставали, но тикали.

Тиканье стало единственным звуком, который не принадлежал океану.

Илья поставил часы рядом с приёмником. Иногда казалось, что дед сидит напротив и следит за соединениями.

— Нормально подписать схему было ниже твоего достоинства? — спросил Илья. — Это контур, труба или ты просто карандаш проверял?

На одной странице действительно была схема радиомаяка. Она не совпадала с приёмником, но объясняла, как усилить слабый сигнал рамочной антенной. Илья согнул кабель в большой прямоугольник и закрепил на мачте.

Результат появился вечером.

Динамик выдал серию щелчков.

Три. Пауза. Два. Пауза. Три.

Потом женский голос, слишком ровный и далёкий:

— ...автоматическая передача... сектор семнадцать... приёмный сигнал...
Статика проглотила продолжение.
Илья повернул антенну.
— Ещё раз. Давай.
— ...сектор семнадцать... огонь погас... не следуйте к...
Сигнал исчез.
Фразу он видел в тетради.
Илья быстро перелистал страницы. Запись нашлась ближе к концу:
«Приёмный огонь семнадцатого сектора погас. Если сообщение повторяется после даты отключения, передатчик работает автономно. Или кто-то хочет, чтобы мы так думали».
Дата размазалась, но год читался.
Семь лет назад.
Илья нажал передачу.
— Сектор семнадцать, ответьте. Сообщение слышу. Дайте координаты.
Шум.
— Здесь Илья Северин, транспорт «Ладога». Я один. Мне нужна помощь.
Произнеся имя, он почувствовал себя нелепо. Будто имя ещё что-то значило в месте, где никто не отвечал.
Из динамика донёлся треск.
На мгновение показалось, что кто-то вдохнул перед микрофоном.
— ...я жив...
Илья подался вперёд.
— Да, живой. Вы меня слышите?
— ...не верь... маяку...
— Повторите! Я не расслышал!
Голос утонул в помехах.
Аккумулятор погас.
Илья схватил рукоятку динамо-машины и начал крутить. Слишком быстро. Механизм заскрежетал.
— Давай же. Ещё немного.
Рукоятка заклинила. Он дёрнул сильнее. Внутри лопнула пластиковая шестерня.
Тишина.
Илья смотрел на обломок в руке, затем швырнул его за борт.
— Чёрт!
Слово разлетелось над водой и исчезло.
Он ударил кулаком по мачте. Один раз. Второй. Кожа на костяшках лопнула.
— Я здесь! — крикнул Илья в пустой горизонт. — Слышите? Здесь!
Океан качал плот.
— Хоть кто-нибудь, ответьте!
Голос сорвался.
Илья медленно опустил на колени. Он ненавидел море за то, что оно не отвечало. Людей, оставивших автоматический передатчик повторять одно сообщение семь лет. Деда — за шифры вместо объяснений. Себя — за сломанную машину.
Больше всего он ненавидел надежду, которая появилась на несколько секунд.
Без неё было легче.
До темноты Илья не работал. Сидел у края, пока не заметил, что выброшенную рукоятку подхватила петля свисающего кабеля. Она постукивала о доску, словно море возвращало ему ошибку.
Он поднял её.

Сломался один зубчатый венец. Его можно было заменить шайбой с насечками, если подобрать размер. В коробке с деталями лежала дверная петля, три винта, обломок пружины и две шайбы.

Илья работал при свете фонаря.

Не потому, что был уверен в успехе. Просто другого способа пережить ночь не нашлось.

Ближе к полуночи динамо-машина снова дала ток. Плохо, рывками, но аккумулятор начал заряжаться.

Илья включил приёмник ровно на минуту.

Сигнал вернулся сразу:

— Сектор семнадцать. Приёмный огонь погас. Не следуйте за главным маяком. Повторяю...

Женский голос закончился. Последовала пауза.

Затем в эфире появился другой голос.

Живой.

Тихий, дрожащий, почти утонувший в шуме.

— Кто-нибудь... на промежуточной платформе остались...

Помеха.

— Повтори! — Илья почти вжал динамик в ухо.

— ...здесь живые... вода почти кончилась...

Сигнал оборвался.

Аккумулятор погас.

Илья сидел в темноте, сжимая приёмник обеими руками.

На платформе были люди.

Не запись семилетней давности. Кто-то говорил сейчас.

Он открыл тетрадь и приложил жетон к странице с кругами. Повернул диск, пока прорезь не выстроилась с цифрами на полях.

Появилась последовательность:

17 / 4 / 63 / 11.

Ниже — маленькая стрелка и буквы:

ПП-17.

Промежуточная платформа семнадцатого сектора.

На соседней странице Илья заметил вклеенную копию грузовой метки. Та же формулировка, что на сумке: «Передать после входа в сектор 17». Рядом стояла короткая приписка:

«Если Илья получит это раньше — маршрут раскроют вместе с ним».

Илья перечитал строку.

Выходит, сумку скрывали не от Ильи.

Её прятали от кого-то ещё — и маршрут к нему тоже.

— Что ты натворил, дед? — спросил Илья.

Страницы шевельнул ветер. Часы продолжали тикать, отсчитывая секунды до решения, которого уже нельзя было избежать.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 6

Не ходи на белый свет

Чтобы плыть к людям, нужно было понять, где они находятся.

Эта простая задача заняла у Ильи половину утра.

Цифры в тетради напоминали координаты, но привычный формат не подходил. Шестьдесят три градуса и одиннадцать минут — возможно. Семнадцать и четыре — тоже. Без широты, долготы и порядка чтения они оставались набором чисел.

Жетон показывал отдельные значения, но не объяснял последовательность.

Илья перелистывал страницы и заметил возле цифр маленькие рисунки узлов: простой, двойной, восьмёрка, беседочный. Каждый стоял рядом с определённой парой.

В памяти всплыл вечер в дедовой мастерской. Илье было тринадцать. Александр учил его читать морскую карту и вдруг сказал:

«Если нужно спрятать направление, не прячь числа. Прячь порядок, в котором их читают».

Илья тогда спросил, от кого дед прячет карту.

«От человека, который уверен, что цифры умнее его».

Узлы задавали порядок.

Восьмёрка — перевернуть пару.

Простой — читать прямо.

Двойной — повторить значение на другой странице.

Через два часа Илья получил точку и направление дрейфа. Сравнил их с курсом «Ладоги», который помнил по последней смене. Если течение не унесло его слишком далеко, ПП-17 находилась на северо-востоке.

Два или три дня при хорошем ветре.

Без паруса — неизвестно сколько.

Илья поднял глаза на синий тент.

— Прости, — сказал он неизвестно кому.

Парус получился некрасивым даже по меркам плота. Два куска ткани, сшитые леской, натянутые на сигнальную мачту и длинную рейку. Нижний край он усилил кабелем. Мачту закрепил на треугольной опоре. Руль расширил пластиковой панелью.

При первой попытке ветер наполнил ткань и едва не перевернул плот. Красный контейнер зачерпнул воду. Илья сбросил парус, переставил мачту ближе к центру, перенёс запасы.

Вторая попытка прошла лучше.

Плот двинулся.

Не просто подчинился течению — пошёл туда, куда Илья направлял руль. Скорость была смешной. Обычная гребная лодка обогнала бы его даже на вёслах. Но обломки за кормой смещались, а компас удерживал курс.

Илья улыбнулся.

— Эх, дед, тебе бы это увидеть.

Потом вспомнил, что парус собран по дедовой схеме. Улыбка не исчезла, но стала другой — с примесью злости, от которой он уже устал.

Первый день пути прошёл спокойно. Илья экономил воду, менял повязку, проверял крепления. Поймал две маленькие рыбы. Одну съел, вторую засолит, хотя соль была последним, чего ему хотелось касаться.

Шрам сопровождал плот издалека. Плавник появлялся то справа, то слева. Акула не нападала. Она ждала, и ожидание раздражало сильнее атаки.

На краю настила Илья вырезал седьмую отметку.

Семь дней после крушения.

Столько же лет прошло с исчезновения деда.

Илья взял часы. Они тикали.

Последнее утро перед эвакуацией хранилось в памяти отдельными деталями. Вода стояла в нижних кварталах. По улицам ходили грузовые амфибии. Люди заколачивали окна домов, в которые не собирались возвращаться.

Дед надел рабочую куртку и сказал, что уезжает на станцию на один день.

Мать кричала, что дороги закрывают.

Пятнадцатилетний Илья стоял в дверях и молчал. Он был уверен, что старик вернётся: дед всегда возвращался — поздно, грязный, виноватый, но возвращался.

На следующий день связь пропала.

Через три дня пришла большая вода.

Через неделю их район исчез с карт.

Официально персонал станции считался погибшим. Тел не нашли.

Илья провёл пальцем по царапине на часах.

— Если ты жив, одним вечером не отделаешься.

На второй день пути море изменилось.

Сначала появились птицы. Две белые точки кружили высоко, затем одна села на мачту. Худая, с грязными перьями, она смотрела на Илью без страха.

— Даже не думай, — предупредил он, прикрывая рыбу ладонью.

Птица наклонила голову, как будто оценивала не рыбу, а его самого.

Через час пошли крупные обломки: часть бетонного понтона, ржавая лестница, кусок солнечной панели. На металле росли водоросли. Значит, вещи долго находились рядом с постоянным объектом.

Илья включил приёмник.

Автоматическое сообщение звучало сильнее:

— Сектор семнадцать. Приёмный огонь погас. Не следуйте за главным маяком...

Живой голос не появился.

— ПП-17, ответьте. Иду к вам. Один выживший с «Ладоги». Буду примерно завтра.

Он не знал, слышит ли его кто-нибудь.

К вечеру на горизонте зажёгся белый свет.

Ровная вспышка каждые десять секунд.

Основной маяк.

Он находился севернее курса и был намного ближе. Белый луч обещал бетон, электричество, воду. По приёмнику шла чистая передача без помех:

— Всем выжившим. Безопасный узел активен. Есть вода, медицинская помощь и места для размещения. Следуйте на главный свет.

Голос был спокойным, профессиональным. Именно так должны говорить люди, которые знают, что делать.

Илья держал руль и смотрел на вспышки.

Горячая еда. Койка. Врач для ноги. Радиостанция, с которой можно вызвать «Гавань» и сказать матери два слова.

Я жив.

Он повернул руль на несколько градусов.

Парус хлопнул. Плот начал уходить к белому свету.

Маяк стал ближе почти сразу. Илья почувствовал облегчение — физическое, тяжёлое, как сон после долгой смены.

Потом заметил, что автоматическое сообщение повторяется, не оставляя ни единой паузы для ответа. Ни позывных. Ни запроса имени. Ни предупреждения о рифах. Только обещание.

Он достал фотографию из тетради. Дед и перечёркнутый Сергей стояли перед платформой. На обороте: «Если расчёты верны, мы уже опоздали».

Часы тикали рядом.

— И почему я должен тебе верить? — спросил Илья человека, которого рядом не было. Белый маяк продолжал звать.

Он вспомнил мужчину в оранжевой куртке. Грузовую бирку на сумке. Строку: «Маршрут раскроют вместе с ним». Кто-то семь лет хранил посылку и не решился передать её на суше. Кто-то ждал, пока Илья войдёт именно в этот сектор.

Если белый маяк безопасен, дед ошибался.

Если нет, повернуть к нему означало привести туда и тетрадь.

Илья медленно вернул руль.

Плот снова лёг на прежний курс.

— Один раз, — сказал он. — Доверюсь тебе один раз.

Белый свет остался слева. Ночью он всё ещё вспыхивал, но уже не казался близким.

Ближе к полуночи приёмник ожил сам.

— ...слышите меня... не идите к белому свету...

Голос был молодым, женским, усталым.

Илья схватил микрофон.

— Слышу тебя. Назовись.

— ...платформа... генератор едва держится...

— Ты на ПП-17? Я иду к тебе.

В ответ раздался кашель.

— Кто ты? — спросила девушка.

— Илья. С «Ладоги». Я один.

Пауза затянулась.

— Уже не один, — тихо сказала она. — За тобой идёт катер.

Сигнал оборвался.

Илья резко обернулся.

За кормой лежала ночь.

Он погасил фонарь, сбросил парус наполовину и прислушался. Сначала слышал только воду. Потом далеко позади появился ровный низкий гул двигателя.

Катер шёл без огней.

Илья лёг на настил, вцепившись в копьё. Сердце билось так громко, что мешало различать звук. Гул приближался, стихал за волнами, снова возвращался.

Впереди из темноты поднялась конструкция на опорах. Сломанная мачта, несколько этажей, переходы, висящие над водой. Промежуточная платформа.

На верхнем уровне вспыхнул оранжевый огонь.

Сигнальная ракета поднялась невысоко, описала дугу и погасла.

Илья натянул парус до конца.

Ветер ударил в ткань. Плот заскрипел, но пошёл быстрее. Позади снова загудел двигатель.

Впереди горел слабый аварийный свет.

На платформе кто-то ждал его.

А катер за спиной доказывал: не только там.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ЧАСТЬ II. ДЕВУШКА НА ПЛАТФОРМЕ

ГЛАВА 7

Оранжевый огонь

Катер приближался не так быстро, как подсказывал страх.

Страх вообще плохо измерял расстояния. Он превращал далёкий гул в дыхание за спиной, а тёмную воду между волнами — в чёрный корпус, который вот-вот ударит плот.

Илья лежал на настиле, прижав щеку к мокрой доске, и слушал. Двигатель то исчезал, то возвращался. Катер шёл без огней и прятался за гребнями волн, словно тот, кто стоял за штурвалом, не хотел показываться раньше времени.

Впереди поднималась ПП-17. Четыре ржавые опоры уходили в воду, между ними висел нижний грузовой ярус. Выше темнели жилой модуль, мачта и перекошенная площадка старого крана. Оранжевая ракета давно погасла, но Илья ещё видел перед глазами её дугу.

Приёмник хрипнул.

— Северин, слышишь меня?

Голос девушки теперь звучал ближе, хотя помех меньше не стало.

Илья схватил микрофон.

— Слышу. Катер всё ещё висит на хвосте.

— Фонарь не включай. И к южной лестнице не суйся.

— Тогда куда?

— Между второй и третьей опорой. Там грузовая сеть. Под настилом увидишь слабый синий огонёк.

— Пока вижу только чёрную воду.

— Потому что смотришь на платформу. Смотри под неё.

Илья прищурился. Под нижним ярусом, почти у самой воды, действительно мигала синяя точка. Не маяк — крошечный светодиод, прикрытый сверху металлическим щитком.

— Есть. Увидел.

— Парус наполовину. Пусть течение затянет тебя под настил. Подойдёшь — сброшу конец.

— А если меня раньше впечататает в опору?

— Подставляй правый бок. Левый у тебя и так разбит.

Он несколько секунд смотрел на микрофон.

— Умеешь успокоить.

— Я тебя не успокаиваю.

За кормой двигатель стал громче.

Илья отпустил фал. Парус обмяк, плот потерял ход и сразу развернулся бортом к волне. Одна доска заскрипела. Красный аварийный контейнер стукнулся о настил.

— Ну давай, — пробормотал Илья плоту. — Только сейчас не развались.

Он работал рулём короткими движениями. ПП-17 росла перед ним. На её опорах белели полосы соли, ниже ватерлинии висели длинные космы водорослей. Между стойками плавали куски пенопласта, канистры и обрывки старых тросов. Попасть туда на парусе было бы самоубийством. Без паруса — всего лишь плохой идеей.

Слева прошёл глухой хлопок.

Вода у плота брызнула вверх.

Илья пригнулся раньше, чем понял: выстрел.

— По мне стреляют! — крикнул он в микрофон.

— Пока рядом. Гребь.

— Слово «пока» здесь лишнее.

— Тогда не слушай его. Гребь.

Он взял короткое весло из крышки контейнера. Рана на ноге отозвалась горячей болью, когда пришлось встать на колено. Плот шёл к синей точке, но слишком медленно.

Катер показался между волнами. Низкий, тёмный, с закрытой рубкой. На носу стоял человек. Лица не было видно, только силуэт и длинный предмет в руках.

Из громкоговорителя донеслось:

— Плот, остановись! Мы идём на помощь!

Илья перестал грести на один удар сердца.

Голос был мужским, спокойным и почти заботливым.

— Не отвечай, — сказала девушка.

— Вдруг они и правда спасатели?

— Спасатели не прячут огни.

Катер дал второй выстрел. Пуля ударила в воду ближе.

Илья снова налёг на весло.

Плот вошёл в тень платформы. Волны здесь стали короче и злее: отражались от опор, сталкивались, били снизу. Синий огонёк качался в двух метрах над водой. Рядом висела сеть из толстых строп.

Сверху упал конец верёвки.

— К мачте! Не к борту — доски вырвет!

Илья поймал верёвку со второй попытки. Она скользнула по ладони и содрала кожу. Он обмотал конец вокруг основания мачты, сделал выбленочный узел и добавил контрольный.

Верёвка натянулась.

Плот резко дёрнуло вперёд. Где-то наверху заработала ручная лебёдка — медленно, с металлическим стоном. Илью потащило между опорами.

Катер приблизился к платформе и сбросил скорость. Его двигатель перешёл на низкий гул.

— Северин! На платформе опасный человек. Не сопротивляйся и оставайся на месте!

Илья поднял голову.

На краю грузового яруса стояла девушка. Худошавая, в тёмной куртке, с собранными волосами. Одной рукой она вращала рукоятку лебёдки, другой держала ракетницу.

Опасный человек посмотрел на Илью сверху вниз.

— Как скажу — падай.

— И что ты задумала?

— Глупость. Других вариантов не осталось.

Она отпустила лебёдку, вставила ракету и повернулась к противоположной стороне платформы.

Катер входил между опорами очень осторожно. В темноте вода скрывала старые швартовочные цепи и затонувшие фермы. Человек на носу показывал рукой курс.

Девушка подняла ракетницу.

— Ложись!

Илья лёг.

Ракета ушла не в катер. Она пролетела над нижним ярусом и ударила в пустую металлическую бочку, подвешенную у северной опоры. Оранжевый свет залил противоположную сторону платформы.

Одновременно девушка дёрнула рычаг возле лебёдки.

Из воды поднялась толстая цепь. Не быстро — старая система едва работала, — но достаточно, чтобы человек на носу катера закричал. Рулевой дал задний ход. Корпус развернуло течением, винт взревел.

Цепь ударила по носу с глухим лязгом. Не пробила, только содрала краску, но катер отскочил от прохода.

— Давай наверх! — крикнула девушка.

Илья подтянул плот к сети. До нижнего настила оставалось около метра. Лестница была обрезана; вместо неё свисали связанные ремни.

— Сумку!

— Сначала руку.

— Она уйдёт на дно.

Он перекинул ремень жёлтой сумки через плечо, привязал плот вторым концом и полез. Левая нога плохо держала вес. На третьем ремне подошва сорвалась. Илья повис на руках, ударился коленом об опору.

Девушка легла на настил и схватила его за запястье.

— Вторую руку, Илья!

— Ногу бы поставить.

— Там некуда. Дай руку!

Он подчинился. Она тянула не сильнее его, но использовала собственный вес, отползая назад. Илья перевалился через край и несколько секунд лежал на холодной решётке, пытаясь отдышаться.

Девушка тут же отпустила его и подняла ракетницу.

Теперь ствол смотрел ему в грудь.

— Сумку положи. Медленно.

Илья ещё не успел подняться.

— Минуту назад ты меня спасла.

— Поэтому не заставляй меня пожалеть.

— В ракетнице был один заряд.

— Был. Теперь второй в стволе.

Он посмотрел на её палец. Тот лежал вдоль спусковой скобы, а не на спуске. Человек, который умеет обращаться с оружием. Или очень хочет так выглядеть.

Внизу катер снова дал ход. Луч прожектора скользнул по опорам.

Девушка быстро погасила синий огонёк и присела.

— За мной. И без шума.

— Плот оставим?

— Ещё немного поспоришь — плот станет твоей самой мелкой проблемой.

Илья пополз за ней под прикрытие стального борта. Они миновали склад с сорванными дверями и поднялись по узкой лестнице. Каждый шаг отдавался в укушенной ноге. Девушка заметила хромоту, но ничего не спросила.

В жилом модуле пахло ржавчиной, влажной тканью и лекарствами. Окна были закрыты листами металла. На столе стояла радиостанция, рядом — две пустые бутылки и кружка с несколькими глотками воды.

Девушка заперла дверь, опустила засов и только после этого снова повернулась к Илье.

Илья первым нарушил тишину:

— Как тебя зовут?

— Твоё имя я уже знаю.

— Я не своё спрашивал.

— Илья Северин. Рейс 04-17, — сказала она. — Теперь я хотя бы знаю, кого впустила.

Её взгляд на мгновение опустился к жёлтой сумке.

Слишком быстро, чтобы назвать это интересом. Достаточно долго, чтобы Илья заметил.

— А я всё ещё не знаю, кто ты.

— Сначала куртку сними.

— Куртка тебе чем не угодила?

— Проверю, не прилепили ли к тебе маяк. Заодно посмотрю ногу.

— И после этого имя?

— Если пойму, что ты действительно Северин, а не приманка.

Снаружи прожектор катера прошёл по зашитому окну. В щель проникла тонкая белая линия.

Громкоговоритель произнёс:

— Говорит спасательная служба. Передайте Илью Северина и служебный груз. Остальным ничего не угрожает.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как вода капает из рукава Ильи на пол.

Девушка больше не смотрела на сумку. Теперь она смотрела ему в лицо.

— Они знают, что у тебя.

— Вот только я не знаю.

— Не лучший ответ.

— Другого пока нет.

Она подошла к радиостанции и выключила питание.

— Значит, до рассвета будем разбираться с тем, что есть.

Катер снаружи заглушил двигатель.

Он не ушёл.

Он встал ждать.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 8

Живой человек напротив

Девушка обыскала его быстро и без неловкости.

Телефон без экрана, нож, отвёртка, связка ключей, компас, две сигнальные ракеты. Всё она раскладывала на столе в ровную линию. Жёлтую сумку не тронула, хотя взгляд возвращался к ней каждый раз, когда Илья двигался.

- Куртку снимай, — повторила она.
- Слышал.
- Тогда чего ждёшь?
- Обычно люди сначала хотя бы имя называют.
- Обычно люди не приводят за собой вооружённый катер.
- Я за ними не звал.
- Они знали твоё имя.
- На сумке есть бирка, на «Ладого» были списки. Объяснений хватает.
- Верить первому удобному объяснению не стану. Сначала проверю.
- А мне, значит, ждать твоего решения.

Она устало провела рукой по лицу. В ярком свете переносной лампы Илья разглядел её лучше. Лет двадцать, может, немного больше. Кожа обветрена, под глазами тёмные круги. На правой брови тонкий свежий порез, заклеенный узкой полоской пластыря. Волосы стянуты резинкой, но несколько прядей выбились и прилипли к шее.

Не боец из страшных рассказов. Просто человек, который давно не спал.

Илья снял куртку.

- Теперь спокойнее?
- Повернись.

Она проверила швы, воротник, карманы. Провела ладонью вдоль спины, нащупывая что-то под тканью. Потом отступила.

- Маяка нет.
- Рад, что прошёл проверку.
- Садись.
- Имя.

Она посмотрела на него так, будто решала, сколько упрямства можно вынести на оставшихся запасах воды.

- Катерина. Пока этого хватит.
- И всё?
- Пока да.
- Тогда я просто Илья.
- Поздно. Твою фамилию уже прокричали на весь сектор.

Он сел на край койки. Матрас был влажным и пах плесенью. Катерина опустилась перед ним на корточки и осторожно разрешила старую повязку.

Кожа вокруг укуса оставалась красной, но опухоль действительно спала. Четыре рваные борозды затянулись по краям, самая глубокая ещё сочилась прозрачной жидкостью.

Катерина перестала говорить колкостями.

- Давно это случилось?
- Дня три назад. Может, уже четыре.
- Чем промывал?
- Промыл пресной водой, потом залил антисептиком.
- Жар был?
- Ночью поднялся. Вколол антибиотик из судовой аптечки.

— Какой именно?

Илья назвал препарат.

— Дозу по инструкции считал?

— Я механик, но считать дозировку умею.

— Одно другому иногда не мешает.

Она надела перчатки, промыла рану стерильным раствором и начала накладывать новую повязку. Двигалась уверенно, не причиняя лишней боли.

— Зубы рассекли кожу и подкожную клетчатку, но мышцы, похоже, целы, — сказала она. — Тебе повезло.

— Акула явно считала иначе.

— У акулы нет мнения. Она просто проверяет, съедобен ли ты.

— И что решила?

— Раз ты здесь, не впечатлил.

Илья невольно усмехнулся.

Катерина затянула бинт и поднялась.

— Не мочить. Не бегать. И в море больше не лезть.

— Последнее особенно вовремя.

— Я серьёзно. Жар, красная полоса вверх по ноге или запах — говоришь сразу.

— Ты медик?

— Не врач.

— Тогда кто тебя этому научил?

— Спасательные курсы, практика и слишком много людей, которые ждали, пока «само пройдёт».

Она убрала инструменты в металлическую коробку. Илья заметил, что расходников осталось мало: два бинта, несколько салфеток, почти пустой флакон антисептика.

— Теперь покажи сумку, — сказала Катерина.

— Даже не проси.

— Из-за неё снаружи вооружённые люди.

— И поэтому я должен отдать её тебе?

— Нет. Но я должна понимать, за что они готовы разнести платформу.

— Сначала скажи, кто они.

Катерина подошла к окну и заглянула в узкую щель. Катер стоял метрах в ста пятидесяти, носом против течения. На мачте горел один тусклый ходовой огонь — теперь, когда скрываться было поздно.

— Они называют себя «Рубежом», — сказала она. — Собирают суда, топливо и людей с полезными навыками. Иногда предлагают пойти с ними. Иногда решают за тебя.

— Ты сбежала от «Рубежа»?

— Я просто не дала им себя поймать.

— Звучит скромнее.

— Зато точнее.

Илья взял жёлтую сумку и положил на колени.

— Нашёл её среди обломков «Ладоги». На бирке было моё имя. Внутри — вещи деда.

Катерина не шелохнулась.

— Он может быть жив?

— Семь лет числится погибшим.

— Где он работал?

— На одной из морских станций.

— На какой?

— Теперь я спрашиваю. Почему тебя так тянет к сумке?

— Потому что на сумке знак «Меридиана». Я его уже видела.

Илья медленно повернул жетон, лежавший рядом с компасом. Круг, пересечённый вертикальной линией, блеснул в свете лампы.

— Ты узнала его сразу.

— Видела раньше.

— Где именно?

— На старых станциях. Больше пока не скажу.

Ответ был слишком быстрым и слишком ровным.

Илья убрал жетон обратно.

— Пока от тебя одни намёки.

Катерина сжала губы, но спорить не стала.

Снаружи что-то металлически звякнуло. Оба замерли.

С нижнего яруса донёсся скрип.

Катерина погасила лампу и подняла ракетницу.

— Полезли?

— Пока нет. Цепь ветром качает.

— Уверена?

— Нет. Поэтому не расслабляйся.

Они молча слушали почти минуту. Звук повторился, затем исчез.

Илья сказал:

— По радио ты сказала, что здесь есть живые.

— Теперь это правда.

— До меня кто-то был?

Катерина не ответила.

Он посмотрел на вторую койку. На ней лежало свёрнутое одеяло, нетронутое и покрытое пылью. На столе одна кружка. Одна ложка. Одна мокрая куртка на крючке.

— Ты здесь одна.

— Была одна.

— Значит, соврала.

— Я сказала в эфир: «есть живые». Одиночку берут легко. Двоих — уже осторожнее.

Если думают, что людей больше, иногда проходят мимо.

— А если бы на сигнал пришёл обычный человек?

— Осторожный человек не шёл бы прямо к платформе с катером на хвосте.

— Спасибо, заметил.

— Это взаимно.

Илья хотел разозлиться, но вместо этого почувствовал знакомую усталость. В море он разговаривал с тетрадью, потому что она хотя бы не скрывала, что принадлежит мёртвому человеку. Катерина была живой — и это ничего не упрощало.

— Давно ты здесь?

— Девятый день пошёл.

— Как сюда добралась?

— На служебном катамаране.

— Где он теперь?

— Его забрал «Рубеж».

— А тебя почему не забрали?

— Они не знали, что я добралась до платформы. Я отсиделась в техническом колодце, пока они обыскивали верхний ярус. Потом ушли. Сегодня вернулись из-за твоего сигнала.

— Значит, это я их вернул.

— Выходит, так.

— Могла бы соврать.

— От этого катер не исчезнет.

Она подошла к баку в углу и открыла кран. В кружку упала тонкая струйка, быстро обрвалась.

Катерина сделала один глоток и протянула кружку Илье.

— Пей.

— У тебя самой почти ничего не осталось.

— Теперь это наш запас.

Он взял кружку. Вода отдавала металлом, но была прохладной.

— Что случилось с опреснителем?

— Насос запускается и сразу уходит в защиту. Фильтр я меняла. Входной патрубок чистила, насколько смогла.

— И насколько смогла?

— Нырнула до решётки. Она на четыре метра ниже платформы.

— Ты ныряла туда одна?

— Видишь здесь очередь желающих помочь?

— Если насос высокого давления запускается и сразу глохнет, дело может быть в датчике или реле. Не обязательно во входе.

— Посмотришь утром.

— А почему не сейчас?

— Потому что снаружи катер, внутри темень, а ты девять дней провёл на плоту и держишься на одном упрямстве.

— Я только что сказал: восемь.

— Какая принципиальная разница.

Она достала из шкафа сухую рубашку и бросила ему.

— Поспи два часа. Я подежурю.

— А когда проснусь?

— Потом починишь воду. Или честно скажешь, что не тянешь.

— Что будет с сумкой?

— До утра останется у тебя.

Илья недоверчиво посмотрел на неё.

— До утра, — повторила Катерина.

Он переделся, привязал ремень сумки к каркасу койки и лёг, не снимая ножа с пояса. Катерина уселась у окна, положив ракетницу на колени.

— Разбуди меня, если катер двинется.

— Разбужу раньше, чем он подойдёт.

— И если решишь открыть сумку.

— Полезу — сам услышишь.

Илья закрыл глаза.

Катерина тихо произнесла:

— Значит, Шрам.

Он открыл глаза.

— Что такое?

Катерина смотрела в щель окна. В воде у платформы медленно прошёл треугольный плавник с белой отметиной.

— Ты ещё и акулу за собой притащил.

— Она сама решила сопровождать меня.

— Конечно. Сама пришла, сама назвалась.

Впервые за восемь дней Илья заснул рядом с живым человеком.

Это оказалось не спокойнее.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 9

Вода на двоих

Илью разбудил запах кофе.

Он сел так резко, что ремень сумки натянулся и ударил пряжкой по каркасу. В комнате было серое утро. Катерина стояла у стола и размешивала в кружке тёмную жидкость.

— Настоящий? — недоверчиво спросил Илья.

— Если порошок, который пережил конец света и семь лет в герметичной банке, всё ещё считается кофе.

— Сегодня считается.

Она отпила и протянула кружку.

Кофе был слабым, горьким и пах старым картоном. Илья закрыл глаза после первого глотка.

— Не привыкай, — сказала Катерина. — Это последняя ложка.

— С кофе стоило начать наше знакомство.

— Тогда ты решил бы, что я добрая.

Катерина ушла.

На воде осталась только длинная полоса от винта, быстро размываемая течением. Катерина объяснила, что «Рубеж» редко атакует старые платформы ночью: слишком много тросов, металла и слепых проходов. Они вернутся при свете — с людьми и инструментами.

— Сколько времени они нам оставили?

— До полудня. Если не передумают раньше.

— Тогда веди к насосу.

Опреснительная установка занимала половину нижнего машинного отсека. Две мембранные трубы, предфильтры, высоконапорный насос и шкаф управления были покрыты солью. На полу стояла вода по щиколотку. Не морская — конденсат и протечки из старого трубопровода, пахнувшие железом.

Илья открыл шкаф.

— Кто уже копался в этом шкафу?

— Я пыталась.

— А до тебя?

— Наверное, прежний техник.

— Он явно ненавидел провода.

Жгуты были соединены скрутками, часть контактов обуглена. Один автомат заменили медной пластиной.

— Это не ремонт, — сказал Илья. — Это пожар, которому дали отсрочку.

— И всё-таки установка работала.

— Пожар тоже некоторое время работает.

Катерина включила питание. На панели загорелись две лампы. Насос тяжело взвыл, манометр поднялся до двадцати бар и сразу упал. Защёлкнуло реле защиты.

— Для морской воды нужно больше пятидесяти, — сказал Илья. — Давление не набирается. Либо насос изношен, либо где-то тянет воздух, либо датчик врёт и рубит питание раньше времени.

— Решётку я чистила.

— Всю магистраль от решётки до насоса видела?

— Только ту часть, до которой добралась.

— Значит, утверждать рано.

Катерина скрестила руки.

— Ты всегда говоришь так, будто уже выиграл спор?

— Только когда вместо автомата вижу медную пластину.

Он снял крышку реле. Контакты были зелёными от окислов. Под ними обнаружилась тонкая трещина в штуцере датчика низкого давления на всасывающей линии. Через неё насос подсасывал воздух, и защита отключала питание.

— Нашлась первая причина.

— Их будет несколько?

— С этой техникой — почти наверняка.

Они заменили штуцер на подходящий от пожарной линии. Катерина держала фонарь, Илья работал сидя на перевёрнутом ведре, чтобы не нагружать ногу. Несколько раз она пыталась помочь и каждый раз получала короткое «не трогай», после чего перестала спрашивать и просто подавала нужный инструмент раньше, чем он успевал назвать.

Это раздражало.

И экономило время.

После ремонта давление поднялось до тридцати восьми бар и снова замерло.

— Похоже, забит вход.

— Или задушен предфильтр.

— Он новый.

— Новая деталь тоже может стоять неправильно.

Оказалось, фильтрующий картридж был установлен наоборот. Поток расплющил внутреннюю сетку, и она почти перекрыла канал.

Катерина молча смотрела, как Илья вытаскивает смятую деталь.

— Ну же, скажи это вслух.

— Какую именно фразу?

— «Я же говорил». Ты ведь ждёшь.

— Берегу силы.

Она фыркнула. Не улыбнулась, но была близка.

Запасного картриджа нужного размера не нашлось. Илья собрал временную ступень из промытой сетки и нескольких слоёв чистой фильтровальной ткани. Это не заменяло штатную очистку и не должно было работать долго, но могло защитить мембраны несколько часов.

— Теперь идём к решётке.

Катерина уже доставала гидрокостюм.

— Ты правда полезешь вниз?

— При таком волнении — сейчас или никогда. Через несколько часов ветер усилится.

— Катер может вернуться раньше.

— Поэтому ты останешься у лебёдки и вытащишь меня, если заметишь его раньше.

— Насколько быстро?

— Быстро, но без попытки оторвать мне руки.

Она надела короткий гидрокостюм, грузовой пояс, маску и небольшой баллон. Оборудование было старым, но ухоженным. Катерина проверила давление, продула регулятор и закрепила на запястье страховочный конец.

Илья осмотрел карабин.

— Этот конец надо заменить.

— Запасного карабина нет.

Он снял с мачты плота более новый стальной карабин и переставил на её конец.

— Потом отдашь.

— Не верну — он тебе уже не понадобится.

— Умеешь подбодрить перед погружением.

Они спустились на нижний ярус. Море было свинцовым, ветер поднимал короткую рябь. Шрам показался у дальней опоры.

Катерина увидела плавник и остановилась.

— После укуса она нападала?

— Нет. Кругом рядом, иногда бьёт по плоту.

— Акулы не умеют мстить.

— Эта, похоже, прогуляла занятие.

Катерина взяла длинный шест с металлическим наконечником.

— Два рывка — выбирай. Три — тащи сразу. Если конец просто дрожит, это течение.

— А если это будет акула?

— Поймёшь.

Она села на край, вставила регулятор и ушла в воду без всплеска.

Страховочный конец заскользил через руки Ильи. Он держал его свободно, не мешая движению. Под поверхностью Катерина превратилась в тёмное пятно. Пузырьки поднимались ровной цепочкой.

Через минуту пятно исчезло под настилом.

Илья следил за водой и горизонтом. Катера не было. Шрам тоже пропал.

Конец один раз дёрнулся.

Потом ещё.

Илья положил ладонь на рукоятку лебёдки.

Третий рывок пришёл резко.

Он начал выбирать верёвку. Механизм скрипел, трос шёл тяжело. В воде показались пузырьки, затем Катерина. Она держалась одной рукой за конец, другой прижимала к груди чёрный комок.

Илья подтянул её к лестнице.

— Что произошло под настилом?

Катерина сняла регулятор и закашлялась.

— Решётку забили плёнка и сеть. А Шрам решил проверить, чем я занята.

— Полезна на тебя?

— Подошла ближе, чем мне понравилось.

— Поэтому три рывка?

— Нет. Три рывка — потому что я застряла ластой в сети.

Она подняла чёрный комок. Рыболовная сеть, спутанная с пластиковыми пакетами и водорослями.

— Водозабор теперь свободен.

Шрам прошёл у поверхности метра в десяти. Катерина проводила плавник взглядом.

— Она крупнее, чем ты говорил.

— Я вообще не называл размер.

— Вот именно.

В машинном отсеке насос запустили снова. Давление поднялось до пятидесяти восьми бар. По контрольной трубке сначала пошла мутная вода, затем прозрачная.

Илья не позволил пить сразу. Они промывали систему двадцать минут, проверяли запах и электропроводность старым тестером. Показание не превышало допустимого предела, но мембраны могли пропускать загрязнения, которых прибор не замечал.

Катерина достала химические полоски из аптечного набора.

— Полоски не покажут микробиологию. Но мембрана и ультрафиолет должны снизить риск.

— Ультрафиолет хотя бы работает?

— Лампу месяц назад меняла прежняя смена. На счётчике всего несколько часов.

— Откуда ты это взяла?

— Я умею читать журнал обслуживания.

— А фильтры ставить — пока нет.

Катерина подняла бровь.

— Всё-таки дождался.

Вода наполнила первую канистру тонкой струёй. Не чудо и не спасительный дождь — просто работающая машина, которая гудела слишком громко и потребляла больше энергии, чем давали солнечные панели. Аккумуляторов хватало примерно на три часа.

За это время установка произвела двадцать четыре литра.

Катерина поставила две кружки на стол. Налила поровну.

— Выпьем за медную пластину.

— За фильтр, поставленный наоборот.

Они выпили.

Вода была прохладной и почти без вкуса.

Илья не думал, что отсутствие вкуса может казаться роскошью.

Позже они перенесли на верхний ярус канистры, инструменты и часть еды с плота. Катерина помогла закрепить дополнительный швартовочный конец с амортизирующей петлёй, чтобы волны не рвали настил. Работала она точно, не боялась высоты и знала, где у старой конструкции опасно наступать.

— Ты специально изучала морские платформы?

— Я изучала океан.

— Исчерпывающе.

— Морская биология. До затопления это называлось университетом. Потом — полезным навыком, если поселению нужно понять, почему рядом с водозаборомдохнет рыба.

— А нырять где научилась?

— Научные работы. Сети, пробы воды, крепление датчиков.

— Спасательные курсы тоже были?

— После катастрофы мир сам устроил практику.

Илья заметил на её шее тонкую цепочку. Под воротником прятался небольшой металлический медальон, круг с вертикальной линией.

Тот же знак.

Катерина поняла, куда он смотрит, и сразу заправила цепочку глубже.

— Этот знак встречался тебе на других объектах?

— Видела.

— И носишь этот знак просто так?

— Тебя это не касается.

— Снаружи требуют мою сумку. У тебя на шее тот же знак. Теперь касается.

Катерина подняла канистру.

— Сейчас нас обоих больше должен волновать катер.

— Снова ушла от вопроса.

— Потому что пока не собираюсь отвечать.

Она ушла к лестнице.

Илья смотрел ей вслед и чувствовал, как утреннее облегчение исчезает. Работать с Катериной было легко, пока у каждого в руках находился инструмент. Стоило убрать инструменты — между ними снова появлялись закрытые двери.

В полдень на горизонте выросла тёмная точка.

Потом вторая.

Катерина подняла бинокль.

— На этот раз пришли двумя катерами.

Илья взял тетрадь, нож и жетон. Жёлтую сумку закрепил под рубашкой ремнём через плечо.

- Сколько их?
- На большом катере четверо. На малом минимум двое.
- У нас одна ракетница.
- И два заряда.
- Прекрасно. По катеру на заряд.
- Катерина опустила бинокль.
- Топить их мы не будем.
- Я этого не предлагал.
- Лицо у тебя предлагало.
- Моё лицо всегда такое.
- Я уже успела заметить.

Первый катер включил прожектор, хотя солнце стояло высоко. Белый луч лёг на платформу.

Из громкоговорителя произнесли:

- Илья Северин! На передачу груза у тебя десять минут.
- Катерина кивнула на жёлтую сумку.
- Теперь расскажешь, что в тетради.
- Илья услышал, как внизу заскрипел натянутый швартовочный конец.
- Если переживём эти десять минут.
- Начинай с первой страницы.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 10

Час до шторма

Человек на большом катере представился капитаном Дороховым.

Фамилия ничего не сказала Илье. Голос — тоже. Спокойный, взрослый, без угрозы. Так мог говорить начальник смены, который объясняет, почему опасный участок придётся пройти ещё раз.

— Мы не преследуем людей. Нам нужен служебный архив «Меридиана». Передайте груз, и получите медицинскую помощь.

Илья стоял за стальным щитом на верхнем ярусе. Катерина лежала рядом, наблюдая через щель между листами.

— Как они вообще узнали про архив?

— Пока не понимаю.

— В сумке мог остаться передатчик?

— Ты проверила меня, а сумку даже не тронула.

— Тогда открывай.

— Прямо под их пушками?

— Лучшего момента выяснить, что нас выдаёт, уже не будет.

Он расстегнул сумку. Тетрадь, часы, компас, сложенная карта течений, кружка, плёнка, карандаши, тонкая трубка, жетон. Катерина быстро ощупала подкладку, проверила швы и бирку.

— Пломбу уже срывали.

На внутреннем кармане действительно висел обрывок прозрачной полосы с номером. Илья раньше принимал её за часть упаковки.

— Не я её вскрывал.

— Значит, внутрь могли положить метку.

Катерина достала из шкафа старый ручной считыватель грузовых меток. На экране едва держались две зелёные полосы заряда. Она провела прибором вдоль подкладки. У нижнего шва раздался короткий писк.

Илья распорол нитки ножом.

Из ткани выпал прямоугольник размером с ноготь.

— Маяк? — спросил он.

— Пассивный маячок. Сам не передаёт, но отвечает считывателю вблизи.

— Тогда как они нашли меня посреди моря?

— По нему нас не вели через море. Но ночью могли подтвердить, что груз на платформе.

Илья сжал пластинку пальцами.

Кто-то вскрыл сумку, записал на фотографии «получатель найден» и спрятал метку. Человек, который семь лет хранил посылку, одновременно помогал доставить её и оставлял возможность отследить.

Или это сделали позже, уже на «Ладоге».

— Время на размышления закончилось.

Малый катер двинулся к платформе. В нём сидели двое в серых спасательных жилетах. Один держал карабин, второй — багор и моток троса.

— Сначала возьмут нижний ярус, — сказала Катерина. — Потом полезут по технической лестнице.

— Цепь после ночи ещё поднимется?

— Один раз, не больше. Привод перегрет.

— А кран?

— Стрела заклинила, зато грузовая лебёдка жива.

Илья выглянул на площадку. Под стрелой старого крана висела сетка с пустыми пластиковыми бочками и металлическим ломом. Её использовали как противовес или склад. Трос уходил в барабан рядом с машинным отсеком.

— Тяжёлый?

— Около четырёхсот килограммов.

— Сбросим на катер — убьём людей.

— Поэтому на катер не сбрасываем.

— Перед носом. Пусть отвернут.

Они спустились к лебёдке. Илья снял защитную крышку. Тормозной рычаг заржавел, но механизм двигался.

— Нужно завести катер под стрелу.

— Они не настолько глупые.

— Тогда дадим им причину смотреть не туда.

Катерина взяла ракетницу.

— Опять глупость?

— Теперь моя очередь.

Малый катер вошёл между северными опорами. Стрелок держал карабин направленным вверх. Второй человек бросил крюк на перила нижнего яруса.

Катерина появилась у противоположного края и выстрелила ракетой в воду за кормой большого катера. Оранжевый огонь ударил по волнам. Все головы повернулись.

Илья отпустил тормоз.

Грузовая сетка провалилась на три метра и остановилась — трос закусил.

— Давай же, работай.

Он ударил рычаг молотком. Ржавчина осыпалась. Барабан провернулся.

Сетка рухнула перед малым катером.

Четыреста килограммов металла и пустых бочек вошли в воду с тяжёлым грохотом. Волна ударила в нос, залила людей. Винт захватил край сетки, двигатель взревел и заглох.

Катер развернуло бортом к опоре. Корпус ударился о сталь.

Никого не выбросило. Илья успел это увидеть — и только потом пригнулся, когда пули застучали по перилам.

Стреляли с большого катера.

Целились не в людей, а в панель управления, антенну и солнечные батареи. Один лист стекла рассыпался. Радиомачта дёрнулась и повисла на кабеле.

— В машинный отсек, быстро!

Они скатились по лестнице. Катерина прижимала ладонь к уху: рядом с ней пуля ударила в металл, оглушив.

— Тебя задело?

— Не задело. В ушах звенит.

Внизу загорелась красная лампа. Насос опреснителя остановился.

— Они перебили внешнюю линию питания.

— Сколько воды успели набрать?

— Если экономить — на два дня.

— Значит, пока горит не самое важное.

Сверху снова заговорил Дорохов:

— Вы повредили наше судно. Следующий заход будет силовым. У вас один час.

— Щедрый человек, — сказал Илья.

Малый катер удалось освободить. Большой взял его на буксир и отошёл за пределы стрелкового расстояния. Люди на палубе возились с винтом.

Катерина прислонилась к стене. Её руки дрожали.

Илья заметил не сразу: она держала их за спиной.

— Руки не от холода дрожат.

— Трудно не заметить.

— Впервые стреляли рядом?

— Не впервые.

— Тогда что с тобой?

— В прошлый раз после выстрелов люди не поднялись.

Она закрыла глаза, сделала медленный вдох и выдох.

Илья не спрашивал дальше. Некоторые вопросы не становились мягче от правильного тона.

— Здесь оставаться нельзя, — сказал он.

— На твоём плоту они догонят нас за десять минут.

— А платформу возьмут за пять, если зайдут с двух сторон.

— На западной стороне есть старый шлюпочный понтон. Двигателя нет.

— Второй плот нам не нужен. Нужно ускорить этот.

— В понтоне лежит маломощный электромотор для манёвров.

— Аккумуляторы сохранились?

— Два блока. Один умер, второй месяц назад ещё держал заряд.

— Почему сама не ушла?

— Понтон придавило балкой. И на таком моторе против ветра двадцать миль не пройти.

— Зато можно пройти под парусом.

— Если ветер не изменится.

Она подошла к иллюминатору. На западе небо потемнело. Облака шли низко, их нижние края размывались серыми полосами.

— Ветер не останется, — сказала Катерина.

Илья почувствовал падение давления раньше, чем посмотрел на старый барометр у двери. Стрелка медленно уходила вниз.

— Будет шторм?

— Фронт быстрый. К вечеру накроет платформу.

— На катерах это тоже видят.

— Поэтому Дорохов торопится. Хочет закончить до шторма.

Илья достал тетрадь. Между схемами узлов и опреснителя нашлась страница с рисунком платформы. ПП-17. Дед отметил нижний архивный отсек, сервисный тоннель и старую радио-релейную линию.

Катерина увидела рисунок.

Её лицо изменилось — едва заметно, но Илья уже научился замечать.

— Ты знала про архив.

— Догадывалась.

— И поэтому пришла сюда.

— Илья, нас сейчас пытаются взять штурмом.

— У тебя всегда находится причина не отвечать.

— А у тебя — время спросить именно тогда, когда в нас стреляют.

Он закрыл тетрадь.

— После шторма договорим.

— Если переживём его.

— Переживём.

Катерина задержала на нём взгляд.

— Ты сам веришь в то, что говоришь?

— Не всегда. Но сейчас кому-то из нас нужно верить.

Она почти ответила, но снаружи завёлся двигатель большого катера.

Дорохов решил не ждать час.

Илья взял инструментальный ящик.

— Покажи, где лежит понтон.

— Ты же сказал, что второй плот не нужен.

— Разберём. Баллоны дадут плавучесть, мотор — управление, батарея — шанс не впечататься в опору.

— А если батарея давно умерла?

— Тогда притащим очень дорогой якорь.

Они спустились в западный отсек. Над морем уже тянулся первый холодный порыв.

Платформа скрипнула всеми четырьмя опорами, словно просыпалась.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 11

Пока держатся опоры

Аварийный понтон лежал под обрушившейся фермой.

Это была плоская алюминиевая рама с двумя надувными баллонами по бокам, рассчитанная на шесть человек и короткий переход до спасательного судна. Один баллон оказался спущен, второй сохранил форму. Электромотор висел на кормовом кронштейне, покрытый солью, но винт вращался.

Балка придавила нос рамы к настилу.

— Краном её не поднять, — сказала Катерина. — Привод остался по ту сторону балки.

— Поднимать и не будем.

Илья осмотрел ферму. Она упала под углом и держалась одним концом на деформированной стойке. Если подпереть балку и срезать часть понтона, можно было вытащить мотор и баллоны отдельно.

— Лодку жалко.

— Она семь лет гниёт под железом.

— Всё равно.

— Тогда лучше не смотри.

Они работали ножовкой и гидравлическим домкратом из аварийного комплекта. Илья объяснил, куда поставить опору, чтобы ферма не соскользнула. Катерина не спорила, только дважды проверила страховочную цепь.

Через сорок минут они вытащили мотор. Батарейный блок весил почти тридцать килограммов; пришлось волочить его на куске пластика. Индикатор показывал двадцать семь процентов заряда.

— Надолго этого не хватит.

— На постоянном ходу — часа на полтора. Для манёвров возле платформы хватит дольше.

— Если контакты ещё живы.

— Не убивай надежду раньше времени.

Гром двигателя пришёл с востока.

Большой катер возвращался. Малый шёл рядом, уже без буксирного троса.

Илья и Катерина спрятали мотор в техническом проходе и поднялись наверх. Ветер усиливался. Волны белели, ударяясь об опоры. Облака закрыли половину неба.

— В такую погоду они не полезут на штурм.

— Полезут, если решат, что штормом мы уйдём.

Дорохов не включил громкоговоритель. Малый катер пошёл к южной стороне, большой — к северной. Они хотели зажать платформу.

Катерина достала последний заряд для ракетницы.

— Не стреляй, пока не подойдут вплотную.

— А вплотную что?

— Что-нибудь отчаянно разумное.

Первый порыв ударил в платформу сбоку. Подвешенная мачта качнулась и с лязгом ударила по ограждению. Дождь начался сразу — крупный, косой.

Большой катер развернуло. Рулевой прибавил газ, удерживая нос против волны. Малый попытался войти между опорами, но плавающая сетка, сброшенная Ильёй, всё ещё закрывала проход.

— Они уже режут цепь.

Человек на носу работал длинным крюком. Второй держал карабин под плащом.

Ветер усилился ещё на несколько узлов. Волны у платформы стали хаотичными. Малый катер подняло и бросило бортом на цепь. Рулевой отступил.

Дорохов наконец заговорил:

— Северин! Это последнее предупреждение!

Илья взял микрофон переносной станции.

— Твой винт только что пережил сеть. Не заставляй его знакомиться с цепью.

Катерина повернулась к нему.

— Зачем было его злить?

— Хотел понять, умеет ли он терять самообладание.

Дорохов помолчал.

— Вы не понимаете, что находится в этом грузе.

— Так объясните.

— Архив должен попасть к тем, кто способен им распорядиться.

— Это всё ещё не объяснение.

— Остальное вам знать не требуется.

Илья выключил передачу.

— Умеет, — заключил Илья.

Молния ударила далеко за катерами. Через несколько секунд пришёл гром.

Большой катер дал сигнал малому и начал отходить. Дорохов выбрал море, а не груз. Через пять минут оба судна исчезли за дождевой стеной.

— Вернутся, когда фронт пройдёт.

— Если шторм вообще оставит им катера.

— И нам — платформу.

Она смотрела не на море. На западной опоре, ниже нижнего яруса, одна из диагональных связей ходила отдельно от конструкции. Каждый удар волны раскачивал её. Болты в верхнем креплении вытянулись из гнезда.

— Когда появилась трещина?

— Вчера её не было.

Если связь сорвётся, она не обрушит платформу сразу. Но свободная стальная ферма длиной несколько метров начнёт бить по опоре. Несколько часов шторма могли превратить трещину в разрыв.

— Сейчас её не закрепить. Снизу не подойти.

— Тогда уберём её совсем.

— Она весит около тонны.

— Поднимать не будем. Отрежем нижний шарнир, пока верхний держит, и уроним в сторону от опоры.

— Работать придётся над волнами?

— Из сервисного люка верхнего яруса. Там аварийный размыкатель.

— Откуда ты это взял?

Илья поднял тетрадь.

— Дед подписывал опасные механизмы ещё хуже, чем схемы. Но иногда всё-таки подписывал.

Люк находился на внешней галерее. До него было двадцать метров открытого настила. Дождь уже шёл почти горизонтально.

Они надели страховочные пояса и закрепились отдельными концами за внутренний леер. Катерина проверила узел Илья.

— Не затягивай коротко. Волна дёрнет — рёбра сломаешь.

— Убедила.

— Оставь хотя бы ладонь слабину.

Он молча добавил слабинку.

На галерею вышли по одному. Ветер ударил так, что Илья упёрся плечом в стену. Вода текла по настилу, уходя сквозь решётку. Внизу бушевало белое месиво.

Платформа не качалась, но дрожала. Это было хуже. Каждая вибрация проходила через подошвы в колени.

Катерина двигалась впереди, перестёгивая карабин от секции к секции. Илья шёл следом. Нога держала, пока он не поставил её на мокрый край. Боль прострелила икру. Он остановился.

— Назад? — перекричала ветер Катерина.

— Только вперёд.

— Это не гонка.

— Тогда не отставай.

Она показала ему жест, который не требовал перевода, и продолжила.

У люка ржавый замок не поддавался. Илья вставил лом, Катерина надавила вместе с ним. Крышка открылась рывком, ветер едва не вырвал её.

Внутри находился механический привод: вал, червячная передача и красный рычаг аварийного сброса. Табличка предупреждала, что размыкание необратимо.

— Ты точно про нижний шарнир?

— Если дедова схема не врёт.

— Ненавижу начало фразы со слова «если».

Илья снял стопор и потянул рычаг. Тот не двигался.

— Намертво встал.

— Дай сюда.

— Сломаешь рукоять.

— А ты её разговорами сдвинешь?

Он достал молоток и начал простукивать корпус передачи. Катерина удерживала крышку люка. Ветер рвал её из рук.

Снизу донёсся оглушительный удар.

Свободная ферма врезалась в опору. Вся платформа вздрогнула. Катерину бросило на колени. Крышка сорвалась и ударила Илью по плечу.

Страховочный конец натянулся. Он удержался.

— Жив? — крикнула Катерина.

— Пока да.

Он соврал. Левое плечо онемело до пальцев, но рука двигалась.

Илья вставил в рычаг отрезок трубы как удлинитель.

— Вместе, на счёт три.

Они навалились. Металл застонал. Рычаг сдвинулся на сантиметр, потом ещё.

Внутри передачи что-то лопнуло.

Ферма под платформой провалилась. На мгновение её верхний конец повис, затем сорвался и ушёл в воду, подняв тяжёлую волну.

Опора перестала дрожать отдельно.

— Пошла! — крикнула Катерина.

Следующая волна ударила выше нижнего яруса. Вода прошла через решётку и накрыла галерею до колен.

Илью сбило.

Он ударился боком, потерял молоток и покатился к ограждению. Страховочный конец натянулся, но карабин зацепился за выступ и повернул его вниз головой. Нога ушла между прутьями решётки.

Катерина легла на настил и поползла к нему.

— Не поднимайся!

— Совет поступил очень вовремя!

Она перестегнула свой конец ближе, ухватила Илью за пояс и освободила его ногу. Волна ушла, оставив их в пене и мусоре.

— На ногу встанешь?

— Встану.

— Не врешь?

— Вру.

Катерина закинула его руку себе на плечо.

До двери они добрались медленно. Ветер толкал в спину, будто хотел помочь, но каждый шаг мог стать последним. Внутри оба упали на пол.

Несколько минут они только дышали.

Катерина начала смеяться.

Не весело. Коротко, почти беззвучно, как человек, у которого закончились другие реакции.

— Чего смеёшься? — спросил Илья.

— Ты обещал, что будет легче после.

— Про состояние я ничего не говорил.

Она посмотрела на него и рассмеялась снова. Илья тоже. Смех отдавался болью в рёбрах, но остановиться сразу не получилось.

Потом Катерина увидела кровь на его повязке.

— Снимай штаны.

— Даже кофе предложила раньше допроса.

— Не обольщайся. Рана открылась.

Она промыла и перевязала ногу. Повреждение оказалось небольшим: один край разошёлся, кровотечение быстро остановилось. Плечо ушиблено, но без вывиха.

— До утра с места не встаёшь.

— А понтон?

— Дождётся.

— Катера тоже.

— Если добьёшь ногу, мне тащить и тебя, и мотор?

— Мотор всё равно легче балки.

— Вот его и спасу первым.

Она накрыла его сухим одеялом и села рядом у стены. Платформа стонала под ветром, но западная опора держалась.

Через час электричество пропало. Они зажгли одну лампу и сэкономили батарею радиостанции.

В темноте Катерина спросила:

— Дед правда оставил тебе всё это семь лет назад?

— Получается, да.

— И ты вообще не знал?

— Сумку загрузили на «Ладугу» за шесть дней до рейса. Кто-то ждал, пока я войду в нужный сектор.

— Почему он выбрал тебя?

— Потому что я его внук.

— Родство ещё не означает доверия.

— Он и не просил доверять. Написал: «Не верь мне на слово. Проверь всё сам».

Катерина долго молчала.

— Умный был человек.

— Ты ведь никогда его не встречала.

— Нет. Но хотела бы.

Ответ прозвучал слишком тихо.

Илья повернул голову. В слабом свете лампы она смотрела на собственный медальон, вынутый из-под воротника.

— Катерина, что это за знак?

Она спрятала медальон в ладони.

— После шторма.

— Он уже уходит.

— Значит, скоро расскажу.

Илья хотел надавить, но усталость оказалась сильнее злости. Он закрыл глаза.

Перед сном Илья почувствовал, как Катерина подтянула одеяло к его плечу. С мокрого рукава сорвалась капля, и она торопливо отвела руку, стараясь не разбудить его.

Утром ветер упал.

ПП-17 стояла.

Но нижний архивный отсек оказался полностью затоплен.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 12

Имя на обороте

После шторма море выглядело виноватым.

Волны стали длинными и спокойными. Между обломками плавали ветки, ящики, полосы водорослей. На востоке лежала чистая полоса неба, слишком светлая после ночной темноты.

Платформа пережила фронт хуже, чем казалось изнутри. Две солнечные панели исчезли, лестницу на южной стороне сорвало, грузовой ярус погнуло. Плот Ильи удержался на обоих концах, но мачта треснула, часть настила разошлась, один поплавков потерял.

— Поднимем, — сказал он.

Катерина посмотрела на плот.

— У тебя это привычка или диагноз?

— Диагноз. Зато полезный.

Они перенесли на настил уцелевший баллон понтона, батарею и электромотор. Второй баллон удалось подкачать ручной помпой, но клапан медленно травил. Илья отметил место мыльной водой и заклеил ремонтной лентой с резиновой заплатой.

Пока батарея заряжалась от оставшихся панелей, Катерина осматривала архивный отсек.

Вход находился в нижнем коридоре. Шторм сорвал наружную дверь, и помещение заполнилось до потолка. За ней стояли шкафы с накопителями, журналы доставки и старый сервер связи.

— Ждать бесполезно. Отсек ниже сливной линии и сам не осушится.

— После шторма там ничего не видно.

— Через пару часов муть осядет.

— Зачем тебе архив на самом деле?

Катерина не ответила сразу.

— Там может быть журнал передачи твоей сумки.

— И это всё?

— Не всё.

Она впервые сказала это без попытки спрятать продолжение за другой фразой.

Илья ждал.

— Мой отец работал в «Меридиане». Я пришла за его записями.

В памяти всплыла фотография: дед рядом с высоким мужчиной в светлой куртке. На обороте — имя Сергей.

Илья достал снимок.

Катерина увидела его и перестала дышать на долю секунды.

Он протянул фотографию.

Она взяла двумя пальцами, будто бумага могла рассыпаться.

— Это он?

Катерина провела большим пальцем по перечёркнутому лицу.

— Он.

— Сергей Воронцов?

— Сергей Воронцов. Мой отец.

Теперь у неё была фамилия.

Катерина Воронцова.

Илья вспомнил надпись: «Сергей. До запуска — 19 дней. Если расчёты верны, мы уже опоздали».

— Знак ты узнала сразу.

— Сразу.

— А почерк?

— Нет. Но фамилию Северин я знала. Отец упоминал твоего деда в записях.

— И решила молчать.

— Я не знала, кто ты. За тобой шёл «Рубеж», сумка была вскрыта, на ней стояла метка.

— То есть лечила меня и ждала, когда получится добраться до тетради?

Катерина подняла взгляд.

— Забирать её я не собиралась.

— Но сумку требовала открыть.

— Потому что из-за неё нас могли убить.

— На ПП-17 ты пришла за архивом. Это тоже случайность?

— Нет. За архивом.

Честность появилась слишком поздно и поэтому резала сильнее лжи.

Катерина вернула фотографию.

— У меня была часть маршрута. Отец оставил координаты промежуточного узла и фразу о «посылке Северина». Я не знала, сохранилась ли она. И уж точно не знала, что Северин — это ты.

— Поняла — и всё равно промолчала.

— Потому что ты едва держался на ногах, сжимал нож и не верил никому.

— Сейчас я, конечно, сама безмятежность.

— Теперь ты хотя бы понимаешь, где я соврала, а где просто не договорила.

Илья отвернулся. Спорить было легче, когда противник говорил очевидную неправду. Катерина дала ему правду — только ту часть, которую сама выбрала.

— Что ты ищешь в его записях?

— Ищу его последний журнал. Он считал расчёты подделанными и разослал копии по узлам. Одна должна быть здесь.

— Александр писал о том же.

— Значит, они были заодно.

— Или один из них использовал другого.

Катерина сжала челюсть.

— Вот поэтому архив и надо открыть.

Илья перевёл фонарь на затопленную дверь.

— Пойду с тобой.

— С этой ногой?

— До воды не полезу.

— Если застряну, ты не сможешь нырнуть.

— Поэтому конец будет у меня, а ты не полезешь куда не договаривались.

— После всего ты ещё доверишь мне страховку?

— Не доверю. Буду держать сам.

Через два часа вода стала прозрачнее. Видимость оставалась плохой — около двух метров, — но контуры шкафов проступали. Катерина проверила баллон, маску и фонарь. Илья закрепил страховочную линию на её поясе и на отдельной точке у двери.

— Два рывка — выбираю. Три — тащу сразу.

— Запомнила.

— Проверяю.

Она задержала взгляд на его лице, затем вставила регулятор и ушла под воду.

Фонарь двигался в глубине, выхватывая кабели, плавающие листы бумаги и раскрытые дверцы. Катерина добралась до первого шкафа, попыталась открыть. Ржавый замок не поддался. Она использовала короткий лом.

Илья держал линию с небольшим провисом. Сердце стучало неприятно ровно. После шторма любой звук металла казался началом обрушения.

Свет исчез за шкафом.

Прошла минута.

Линия дрогнула, но не натянулась.

Потом один рывок.

Не сигнал.

Ещё один.

Илья начал выбирать конец, не дожидаясь третьего.

Соппротивление было сильным. Что-то удерживало линию под водой. Он намотал её на барабан ручной лебёдки и медленно потянул.

Из отсека появилась Катерина. За ней тянулся кабель, обмотавшийся вокруг страховочного конца. Она сама резала его ножом.

Илья ослабил натяжение. Катерина освободилась и поднялась к поверхности.

— Я не дёргала конец, — сказала она, сняв регулятор.

— Он застрял.

— Поэтому нельзя было тащить сразу.

— А тебе нельзя было уходить за шкаф и молчать.

— Там оказался сейф.

Она подняла герметичный контейнер размером с книгу.

— Открывай здесь.

Катерина замерла.

— Здесь?

— Не уносишь наверх одна. Смотрим вместе.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом она кивнула.

Контейнер открылся сервисным ключом с жетона. Внутри лежали два накопителя, бумажный журнал в герметичном пакете и тонкая синяя папка.

Илья пролистал журнал доставки.

Большинство записей относилось к последним месяцам перед катастрофой. Коды грузов, даты, пункты назначения. На предпоследней странице стояла строка:

«17-04. Личный архив А. Северина. Принят ПП-17. Хранение до подтверждения получателя».

Через семь лет другим почерком было добавлено:

«Получатель обнаружен: Илья Северин. Транспорт “Ладога”, рейс 04-17. Передача назначена после входа в сектор. Курьер: С-12».

— С-12 больше похоже на позывной.

— Или на уровень допуска.

Ниже стояла ещё одна запись:

«Копия маршрута направлена на ретранслятор Р-3. Подтверждение не получено».

Катерина открыла синюю папку. На первой странице было написано: «С. Воронцов. Оценка каскадного отказа глубоководных контуров».

Её пальцы дрогнули.

Илья заметил, но ничего не сказал.

Один из накопителей имел маркировку Сергея Воронцова. Второй — Александра Северина.

— На месте мы их не прочитаем. Нужен совместимый старый терминал.

— Здесь терминал есть?

— Сервер здесь затоплен. На Р-3 стояло совместимое оборудование.

— Та самая башня?

— Радиорелейная башня, «Третья игла». Несколько лет она повторяла аварийные вызовы, потом замолчала.

— Сколько до неё?

— На хорошем парусе два дня. Идти восточнее главного маяка.

Илья положил накопители обратно.

— Тогда идём туда.

Катерина не ответила.

— Что ещё ты не договорила?

Она смотрела на последнюю страницу папки. Там был список сотрудников, подписавших отказ от запуска. Две фамилии были зачёркнуты красным: Воронцов и Северин.

Рядом стояла отметка:

«Отстранены. Доступ аннулирован. Наблюдение продолжить».

— Они всё понимали ещё до катастрофы. И знали, что за ними следят.

Снаружи раздался низкий звук двигателя.

Не один.

Илья закрыл контейнер.

— Остальное обсудим по дороге.

— После этого ты всё ещё пойдёшь со мной?

— Мы идём в одно место. Пока этого достаточно.

— Почти доверие.

— Не спугни.

Они поднялись наверх.

На горизонте показались два катера «Рубежа». После шторма один шёл медленно, но большой сохранил скорость. Дорохов возвращался.

До платформы ему оставалось меньше часа.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 13

Сквозь затонувшее солнце

Плот стал шире на метр и тяжелее почти вдвое.

Баллоны аварийного понтона Илья закрепил по бортам, распределив их так, чтобы дополнительная плавучесть приходилась на нос и корму. Батарею поставил в центре, в пластиковый ящик выше настила. Электромотор повесили на усиленную кормовую доску. Треснувшую мачту стянули металлическими накладками и болтами.

Красотой сооружение не отличалось.

— Выглядит так, будто платформа родила лодку во время шторма.

— Лишь бы не решила забрать обратно.

Ветер шёл с запада. До ретранслятора Р-3 им требовался восточный курс — почти идеальный. Проблемой были катера.

Большой приближался с северо-запада. Малый держался южнее, перекрывая открытый проход. Дорохов понял, что они собираются уходить.

— Через север не уйдём. Там глубоко, катер быстро нас догонит.

— А южнее?

— Южнее лежит поле солнечных платформ. Панели ушли под воду, между рамами местами меньше метра.

— У нас осадка около тридцати сантиметров.

— У катера не меньше метра.

— Тогда идём через панели.

— Там стойки. Пропорем баллон — ляжем на бок.

— Мотором только подправляем курс. Перед мелководьем поднимем штангу, винт останется сантиметрах в двадцати под водой. Основной ход — парус.

Катерина посмотрела на разбитую мачту.

— Ты говоришь о ней как о настоящем судне.

— Пока держит нас на воде — настоящее.

Они погрузили двадцать литров воды, еду, аптечку, инструменты, гидрокостюм, радиостанцию и герметичный контейнер с архивом. Жёлтую сумку Илья закрепил отдельно, двумя ремнями.

Катерина заметила это.

— Боишься, что я заберу фотографию?

— Боюсь, что её заберёт море.

— Удобная позиция.

— По крайней мере, я не вру.

На платформе оставалось много полезного, но каждый лишний килограмм увеличивал осадку. Илья дважды возвращал на стеллаж вещи, которые хотелось взять: запасной насос, бухту стального троса, тяжёлый набор ключей.

Дедова строка снова пришла на память: «Всё, что тяжелее тебя, принадлежит морю, пока не докажешь обратное».

— Ты и с тетрадью разговариваешь?

— Иногда. Она хотя бы не перебивает.

— А отвечает?

— Лучше некоторых.

— Тогда я зря стараюсь.

Илья задержал руку на ремне. Катерина затягивала крепление канистры, не поднимая головы. В её голосе не было обиды — только усталость и едва заметное тепло, которому он пока не хотел давать название.

— Ты уже начала отвечать.

— Не привыкай.

Большой катер дал длинный сигнал.

Дорохов включил громкоговоритель:

— Северин! Отойди от края! Это судно не пригодно для открытого моря!

Илья проверил фал.

— Хоть в одном он прав.

— Илья, если войдём в поле, развернуться уже не сможем. Южный снос прижмёт нас к рамам.

— Шансы?

— Если назову число, согласишься?

— Всё равно нет.

— Тогда шансы хорошие.

Они отвязали кормовой конец. Носовой держал плот у платформы. Парус хлопал, пытаясь наполниться.

Малый катер ускорился.

— Пора.

Илья перерезал последний конец.

Ветер подхватил парус. Плот отошёл от нижнего яруса, но течение понесло его на восточную опору. Илья включил электромотор на половину мощности. Винт завибрировал, вода за кормой закипела. Нос медленно повернул.

До опоры оставалось два метра.

Один.

Катерина оттолкнулась шестом. Баллон скользнул по водорослям на стали, не порвался.

Плот вышел из тени платформы.

Малый катер был в ста метрах.

Человек на носу поднял карабин.

— Ложись! — крикнула Катерина.

Выстрел прозвучал почти одновременно. Пуля прошла через парус, оставив маленькую круглую дыру.

Илья не лёг. Он держал руль и направлял плот к полосе воды, где из волн выступали концы ржавых рам.

Вторая пуля ударила в металлический щит, установленный у кормы. Звон отдался в зубах.

Катерина включила переносную радиостанцию на открытом канале.

— Дорохов, впереди затопленные конструкции! Отзови людей!

— Остановитесь сами — и никто не пострадает.

— Малый катер сядет на раму секунд через тридцать.

— Ты блефуешь.

— Уже двадцать пять.

Рулевой малого катера услышал. Нос судна дёрнулся в сторону, но человек с карабином закричал на него и показал вперёд.

Илья видел под водой первую панель. Стекло давно исчезло, осталась алюминиевая решётка в сорока сантиметрах от поверхности.

— Правее! Между стойками!

— Первую вижу.

— Смотри левее!

Слева под водой шла вторая рама, почти незаметная. Илья повернул руль. Плот реагировал медленно. Он дал мотору полный ток на пять секунд.

Корма ушла вправо. Левый баллон задел стойку и прогнулся, но заплатка выдержала. Малый катер вошёл в поле следом.

Его винт ударил по металлу. Раздался резкий скрежет. Двигатель взвыл и заглох. По инерции катер налетел днищем на раму, резко накренился. Люди удержались, но преследование закончилось.

Большой катер остановился у границы поля.

Дорохов не рискнул идти дальше.

— Северин! Ты не понимаешь, куда идёшь!

Илья нажал передачу.

— Тогда там и увидимся.

Он выключил радиостанцию.

— Зачем ты это сказал? — спросила Катерина.

— Проверял, знает ли он про Р-3.

— И что понял?

— Он даже не спросил, куда мы идём.

Катерина обернулась. Большой катер стоял за рамами, уменьшаясь с каждым порывом ветра.

— Значит, он знает про башню.

— И будет ждать.

Поле тянулось почти милю. Они шли медленно, лавируя между стойками. Катерина стояла на носу с шестом и показывала проходы. Илья управлял парусом и коротко включал мотор, когда течение сносило плот.

Дважды они касались рам. Один раз край настила застрял под перекладиной, и пришлось вдвоём переносить вес на другой борт. Но баллоны выдержали.

Когда последняя стойка осталась позади, море снова стало глубоким.

Шрам появился справа от плота. Плавник сделал круг и ушёл под воду.

Катерина следила за ним.

— Прошёл за нами.

— У малого катера осадка меньше.

— Очень вовремя.

— Это не шутка.

Она покачала головой и села у мачты.

ПП-17 уменьшалась на западе. Оранжевый аварийный огонь больше не горел. Платформа снова выглядела пустой, как все мёртвые конструкции в океане.

Илья почувствовал странную потерю. Он провёл там меньше двух суток, но после недели одиночества ржавые стены успели стать первым местом, где его ждали. Пусть с ракетницей в руках.

Катерина достала фотографию отца и деда. Долго смотрела, затем протянула Илье.

— Оставь фотографию у себя.

— Но фотография лежала в моей сумке.

— Я помню.

— Можешь брать, когда захочешь.

Она убрала руку.

— Это ты так доверяешь?

— Это я так даю посмотреть фотографию.

— Ладно. Уже что-то.

Через час они включили радиостанцию. Основной маяк звучал мощно и чисто:

— Безопасный узел активен. Доступны вода, медицинская помощь и размещение...

Илья уменьшил громкость.

Ниже, почти под шумом, пробивалась другая передача. Слабая, рваная, повторяющаяся через неравные интервалы.

— ...ретранслятор Р-3... аварийный журнал... требуется доступ...

Потом мужской голос, старый и искажённый:

— Если слышите это, персонал Р-3 не отвечает. Основной канал не используйте. Вас слушают...

Сигнал оборвался.

Катерина посмотрела на компас.

— Держим восток-северо-восток.

Илья закрепил руль.

— Два дня пути?

— При таком ветре полтора дня. Если мачта не сдастся.

— Мачта выдержит.

— Сам в это веришь?

— Не до конца.

Катерина улыбнулась впервые так, что не попыталась сразу скрыть.

— Вот теперь честно.

Вечером большой катер появился на горизонте снова.

Он не мог пройти через мелководное поле, но обошёл его с севера и теперь держался далеко, едва видимой тёмной чертой.

«Рубеж» не отстал.

Илья проверил крепления сумки, парус и заряд батареи. Катерина сидела на носу, завернувшись в одеяло, и слушала слабый сигнал Р-3.

Теперь на плоту было двое.

Места стало меньше. Вопросов — больше.

Но когда ночь накрыла океан, Илья впервые не разговаривал с тетрадью.

Рядом был человек, который хотя бы иногда отвечал.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ЧАСТЬ III. БАШНЯ МЁРТВЫХ ГОЛОСОВ

ГЛАВА 14

Игла над пустотой

На рассвете башни ещё не было.

Был только серый свет, в котором вода и небо сливались без линии горизонта. Плот шёл на восток-северо-восток под наполовину убраннным парусом. После ночного перехода мачта скрипела на каждой длинной волне, правый поплавок едва заметно проседал, а электромотор приходилось включать короткими толчками, чтобы не тратить заряд.

Катер «Рубежа» держался далеко позади. Иногда его закрывала волна, иногда он появлялся снова — тёмная чёточка, слишком ровная для обломка.

Катерина устроилась у носа под одеялом и держала приёмник на коленях. Слабый сигнал Р-3 то глож, то возвращался; вместе с ним из динамика выплывали голоса.

Не один — десятки.

— ...северная пристань полностью затоплена...

Треск.

— ...с нами трое детей, один ранен...

Щелчок реле.

— ...если кто-нибудь принимает, запасов осталось...

Шум проглотил конец фразы.

Потом детский голос сказал:

— Мам, вода уже поднялась до лестницы.

Катерина убавила громкость.

— Это архив, — сказала она. — Башня крутит старые сигналы бедствия.

— Почему именно сейчас?

— Она обязана повторять вызов, пока соседний узел не подтвердит приём. Подтверждать уже некому.

Илья смотрел на приёмник. Семь лет железо звало на помощь людей, которых уже нельзя было найти. От одной мысли становилось тесно в груди.

— Выключи это, пожалуйста.

Катерина нажала кнопку. Голоса исчезли, но тишина продержалась всего несколько секунд. Приёмник сам открыл аварийный канал, и из него прорезался знакомый хриплый голос:

— ...транспорт «Ладога» потерпел крушение. На плоту один выживший, координаты неизвестны...

Илья резко выпрямился.

Это говорил он.

Не чужой голос, похожий на его, и не запись с теми же словами. Его собственный голос — сорванный солью, страхом и бессонной ночью после гибели «Ладоги».

— Откуда у них мой вызов?

Катерина подняла громкость. Запись повторилась с начала.

— Р-3 слушает широкий диапазон. Когда мы вошли в сектор, запись могла всплыть из буфера.

Илья не ответил. Пальцы на румпеле сжались так сильно, что заболели суставы.

В динамике он снова услышал себя:

— Один человек на плоту...

На секунду плот исчез. Вернулась белая стена воды, рвущийся металл, чья-то рука за герметичной дверью насосного отсека. И голос, который звал людей с судна, уже лежавшего на боку.

— Илья, слышишь меня?

Он не повернул головы.

Катерина встала, добралась до него по качающемуся настилу и положила ладонь ему на запястье.

— Посмотри на меня. Это запись. Ты здесь. Со мной.

Она держала его за запястье крепко, но не давила. Не приказывала — просто не позволяла ему снова провалиться в тот день.

— Здесь, — выдохнул он.

Катерина не убрала ладонь.

— Хорошо. Смотри на меня, пока не отпустит.

Он кивнул и попытался разжать пальцы.

— Не получается сразу.

— И не должно. Я подожду.

Голос из старого динамика продолжал перечислять погибших, но уже не перекрывал шум воды.

Катерина выключила аварийный канал вручную и села рядом. Несколько минут они молчали. Она не прятала тревогу за колкостью, Илья не пытался отшутиться. Этого оказалось достаточно.

Через час туман впереди стал светлее.

— Башня впереди.

Сначала Илья заметил вертикальную царапину на небе. Она исчезала, стоило отвести взгляд. Потом из серого воздуха проступила верхняя площадка, ниже — радиорелейные тарелки и тонкая решётчатая мачта.

Р-3 стояла посреди открытого моря.

Башня опиралась на четыре бетонные ноги, поднятые над водой. Между ними висел нижний технический ярус. Выше тянулась стальная «игла» с кольцевыми площадками, ветровыми генераторами и антеннами. Верхушка уходила в низкие облака.

— «Третья игла». Теперь хотя бы понятно название.

— Издалека почти красиво.

— Вблизи окажется ржавой.

— Значит, не обманет ожиданий.

Сигнал усиливался. Башня снова начала говорить. Старые просьбы о помощи сменяли друг друга через несколько секунд. Между ними повторялся цифровой запрос: три коротких импульса, пауза, один, пауза, три.

— Она спрашивает соседние узлы, живы ли они.

— И слышит что?

— Только себя.

Плот подошёл с юга. У опор волна отражалась от бетона и била настил одновременно с двух сторон. Илья убрал парус и коротко включил электромотор, удерживая нос против течения.

На нижний ярус вела сервисная лестница, но три нижние секции отсутствовали. Рядом качался швартовочный буй. Его канат выглядел странно чистым — без толстой корки ракушек, покрывавшей металл башни.

Катерина увидела это одновременно с Ильёй.

— Здесь жили совсем недавно.

— Или ещё живут.

Они закрепили плот двумя концами: к рыму буя и к скобе на опоре. Настил продолжало дёргать, зато его больше не уносило от башни.

Катерина подняла радиостанцию.

— Р-3, ответь. У южной опоры двое. Мы не из «Рубежа».

Сверху донёлся металлический стук.

Один удар.

Потом ещё два — быстрее.

На площадке в двадцати метрах над ними мелькнула тень.

— Очень убедительно. Особенно последняя часть.

— Тогда придумай лучше.

Он посмотрел на неё и улыбнулся краем губ.

— Вот теперь похоже на правду.

— Что предложишь?

— «Механик с разваливающегося плота. Девушка с ракетницей считает его временной проблемой».

— После такого дверь откроют из жалости.

К лестнице был привязан страховочный канат. Илья проверил узел и сердцевину верёвки. Выше линии брызг она оставалась сухой и прочной.

— Я полезу первой.

— Из-за ноги?

— Из-за двух здоровых ног.

Укус акулы отозвался тупой болью в икре. Илья не стал спорить с фактом.

Катерина надела страховочную петлю, оттолкнулась от поплавок и добралась до первой перекладины. На площадку она поднялась осторожно, сначала осмотрев решётку снизу. Через несколько секунд сверху упал конец верёвки.

— Пока чисто.

Илья привязал жёлтую сумку к отдельной линии и начал подъём. Нога выдерживала, но на третьем метре задрожала. Он переносил вес на руки, чувствуя, как мокрый канат режет ладони.

Когда до площадки оставалось две перекладины, сверху щёлкнул металл.

— Замри!

Илья замер.

Перед его лицом качнулась тонкая леска. Она уходила под настил к пружинному выключателю.

Катерина легла на решётку и подсветила пространство фонарём.

— Растяжка сигнальная. Не взрывчатка.

— Начинать надо было с этого.

— А тебе — не совать лицо в проволоку.

Она перерезала леску выше выключателя и помогла ему подняться.

Площадка окружала центральную шахту. Дверь внутрь была закрыта. Заводской замок давно проржавел, но поверх него недавно приварили новую стальную накладку. Возле стены стояли две канистры, пустая банка и пара мокрых ботинок.

— Улик сразу две, — прошептал Илья.

Катерина приложила палец к губам.

Изнутри донёлся тихий скрежет.

Она подняла ракетницу. Илья взял короткий лом.

— Драться не хотим. Нам нужен терминал Р-3. У нас архивные накопители.

Тишина.

— И катер «Рубежа» за спиной. Если ты здесь живёшь, проблема уже общая.

Замок щёлкнул.

Дверь открылась на ширину ладони. В щели показалось худое лицо, тёмные волосы и один настороженный глаз.

— Сколько их?

- Не меньше шести. Два катера.
- И вы всё равно привели их сюда?
- Вообще-то пытались оторваться.
- Плохо пытались.

Дверь раскрылась ещё немного. Парню было не больше девятнадцати. Куртка висела на нём мешком. В руках он держал монтажный пистолет, переделанный под стрельбу крепёжными штырями.

- Опустит оружие.
- Ты первая.
- Моё хотя бы не разорвёт тебе кисть при перекосе.
- Парень невольно отвлёк ствол от лица.
- Это угроза?
- Бесплатная техническая консультация.

Илья опустил лом.

— Я Илья, это Катерина. Нужны терминал, вода и обзор на море.

— А мне — новый аккумулятор, коаксиальный кабель и неделя без знакомцев. Похоже, сегодня никому не везёт.

— А имя у тебя есть?

Парень помедлил.

— Артём. Меня зовут Артём.

— Фамилия тоже секрет?

— Пока не решу, что вы меня не сдадите.

Из глубины башни заговорил динамик.

Голос Ильи, усиленный металлическим эхом, заполнил узкий коридор:

— Я жив. Повторяю: один выживший, нужна помощь!

Артём вздрогнул.

Илья смотрел в тёмный проход, откуда к нему возвращались собственные слова.

— Выключи запись.

— Уже пытался, — тихо сказал Артём.

Где-то выше щёлкнуло реле. За голосом Ильи в эфир вошёл женский крик, затем детский плач, затем спокойное автоматическое сообщение о безопасном узле.

Башня говорила всеми, кого когда-либо слышала.

И ни одного из них уже нельзя было спасти.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 15

Очередь длиной в семь лет

Артём закрыл дверь и задвинул два засова.

Первый был заводским. Второй он сделал из обрезка трубы, пропущенного через приваренные петли. Шов выглядел неровным, но держался. Илья отметил это машинально: привычка механика пережила и «Ладогу», и плот, и несколько дней, за которые ему пришлось чинить всё, кроме собственной головы.

— Давно один?

— Девятый день.

— А до этого сколько вас было?

— Пятеро. Восемь месяцев держались вместе.

Артём поставил монтажный пистолет на пол, но придвинул носком ближе к стене. Его осторожность не была показной. Так двигаются люди, которые однажды уже не успели дотянуться до оружия.

Коридор Р-3 был круглым, тесным и пах нагретой пылью. По стенам шли кабельные лотки. Таблички с номерами контуров выцвели; некоторые были покрыты чёрными следами старых коротких замыканий.

Динамик под потолком продолжал выдавать обрывки вызовов.

— ...ветер усиливается, людей с крыши снять не можем...

Щелчок.

— ...шестой шлюз заблокирован, повторяю...

Щелчок.

— На плоту обнаружен один выживший...

Илья дёрнул провод. Динамик умолк.

Через секунду его голос зазвучал из громкоговорителя дальше по коридору.

— У башни отвратительное чувство юмора.

— Зато не меняется.

Он провёл их на уровень выше. Аппаратная занимала тесную комнату с тремя стойками приёмников, старым пультом и двумя мониторами. Рядом стояла койка, на которой вместо матраса лежали спасательные жилеты. В углу сохли носки. На столе осталась миска с овсяной кашей.

— Девять дней на одной каше?

— Иногда с солью. Чтобы не избаловаться.

Катерина поставила герметичный контейнер на свободный край стола.

— Нужен совместимый считыватель.

Увидев знак «Меридиана», Артём перестал улыбаться.

— Откуда накопители?

— Мы достали их из архива ПП-17.

— Нижний отсек там затоплен.

— Не полностью.

Артём перевёл взгляд на жёлтую сумку Ильи.

— Значит, катер охотится не только за вами.

— Спасибо, стало легче.

— За тобой тоже. Но архив им важнее.

Катерина развернула карту.

— Где терминал?

— Под мачтой. Но сначала объясните, зачем «Рубеж» снова идёт сюда.

— Уже приходил?

Артём сел на край стола и спрятал руки в карманы. Только тогда Илья заметил, что они дрожат.

Восемь месяцев назад на Р-3 пришла небольшая ремонтная команда из плавучего посёлка «Рогатка». Они меняли батареи, снимали рабочие блоки со старых ретрансляторов и обменивали связь на воду, лекарства и топливо. Артём отвечал за приёмники. Командовал его дядя, Виктор Белов.

Девять дней назад к южной опоре подошёл катер без огней.

— Они подошли без огней и запросили помощь. Сказали, что у них раненый. Дядя спустился, а потом наверх поднялись шестеро. Они знали план башни и сразу пошли к архиву и дешифратору.

— Кто ими командовал?

— Командовал Яров. Фамилию услышал от остальных. Сам он почти не говорил.

— А команда?

Артём посмотрел на выключенный монитор.

— Дядю и Лёну увели живыми. Павла ударили возле лестницы. Романа после этого я не видел.

Он произнёс это ровно. Только на имени Романа голос стал тише.

— Как тебя не нашли?

— Между аккумуляторным отсеком и обшивкой есть вентиляционный канал. Я спрятался там и замкнул датчик дыма. Пена залила аппаратную, и они решили, что архив погиб.

— Архив уцелел?

— Основной накопитель заклинило в стойке. После пены коммутация сошла с ума: удаляю одну запись, а очередь возвращает три.

Катерина подошла к стойкам.

— Они могли оставить маяк.

— Проверил всё, до чего добрался.

— Ты девять дней почти не спал. Значит, мог что-то пропустить.

Артём хотел огрызнуться, но только устало кивнул.

— Мог. Поэтому и не спорю.

Илья показал на потолок.

— Полностью обесточить башню можно?

— Обесточить можно только один раз. Часть реле потом не поднимется, а без верхней антенны мы потеряем маршрут.

— Тогда сначала читаем.

— Терминал наверху. А по дороге, механик, посмотришь южную батарею. Она перегревается.

— Насколько сильно?

— Вчера было пятьдесят два. Сегодня уже пятьдесят семь.

— Это уже не перегрев. Это просьба о помощи.

Они поднялись по винтовой лестнице на пять пролётов. Чем выше, тем сильнее ощущалось движение башни. Металл гудел под ветром. Подвесной светильник медленно уходил в сторону и возвращался.

Катерина заметила, как Илья вцепился в перила.

— Тебя высота пугает?

— Уважаю расстояние до воды.

— На плоту оно было поменьше.

— Потому и уважал меньше.

Она улыбнулась. Не широко, но без прежней настороженности.

Терминальная комната находилась под основанием мачты. Один экран работал, второй был разбит, вместо третьего стоял небольшой переносной монитор. На стене висела схема сети «Меридиана». Большинство узлов были перечёркнуты красным маркером. Р-3 оставалась обведена синим.

Артём подключил накопитель Сергея Воронцова. На экране появился список файлов:

«Оценка каскадного отказа».

«Контур ГЛБ-4 — ГЛБ-9».

«Расхождение расчётных и фактических температур».

«Личное. К.В.».

Последний файл был зашифрован.

Катерина задержала на нём палец, но открыла технический отчёт.

Часть страниц была повреждена, таблицы распались, однако выводы сохранились. Сергей Воронцов предупреждал: глубоководные установки проекта «Глубина» передавали в океан больше тепла, чем указывала официальная модель. Одновременный запуск нескольких контуров мог вызвать цепную реакцию в нестабильных слоях морского дна и резко ускорить разрушение ледовых массивов.

— Хотели охлаждать атмосферу через океан.

— Уводить тепло в глубину и выиграть десятилетия. На бумаге — спасение.

— А в реальности семь лет воды.

Катерина не отвела взгляда от экрана.

— В отчёте сказано другое: запуск не создал катастрофу, а резко её ускорил.

Илья услышал в её голосе не защиту проекта, а страх вынести приговор отцу раньше, чем узнает всё.

— Ладно. Дальше.

Они подключили накопитель Александра Северина. Терминал запросил два ключа.

Первый принял жетон Ильи.

Для второго требовался цифровой сертификат сотрудника.

Катерина нашла подпись Сергея в технической папке. Артём перенёс сертификат в окно авторизации.

Экран погас, затем появилась строка:

«КЛЮЧИ ПРИНЯТЫ. АРХИВ НЕПОЛОН. ОЖИДАЕТСЯ ПАКЕТ С-12».

Ниже открылась карта маршрута. Линия шла от ПП-17 к Р-3, затем поворачивала на юго-восток и обрывалась у повреждённой метки. Читались только последние буквы:

«...РФЕЙ».

— «Орфей».

— Судно. В старых журналах так назывался мобильный медицинский узел.

Терминал подал новый сигнал.

На экране открылось входящее сообщение. Из динамика прозвучал чистый детский голос:

— Р-3, ответьте. Мы на аварийном буе Н-12. Папа не просыпается, вода заканчивается. Пожалуйста...

Катерина потянулась к микрофону.

Артём перехватил её запястье.

— Не отвечай.

Она резко высвободила руку.

— Там голос ребёнка.

— Буй Н-12 не существует четыре года. Я сам снимал кабель с его обломков.

Голос повторил:

— Р-3... пожалуйста. Мне страшно.

Илья прислушался. Пауза после слова «папа» была точно такой же. Даже вдох совпадал.
— Это запись по кругу.

На экране загорелась красная строка:

«ВНЕШНИЙ ИСТОЧНИК. МОЩНОСТЬ РАСТЁТ».

Катерина медленно убрала руку от микрофона.

— Кто-то ждёт, что мы ответим.

— И покажем точное состояние башни.

Детский голос снова позвал из динамика.

Теперь он звучал не как просьба.

Как приманка, которая уже знала, что её услышали.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 16

Двадцать восемь секунд лжи

Запись длилась двадцать восемь секунд.

Артём вывел на экран две звуковые дорожки. Они совпали до последнего вдоха. Ребёнок каждый раз плакал одинаково, одинаково запинаясь на слове «заканчивается» и одинаково ждал перед последним «пожалуйста».

— Живой ребёнок не повторит это слово в слово.

Катерина стояла у микрофона, но больше к нему не прикасалась.

— С какой стороны идёт сигнал?

— Почти с юга. Источник медленно приближается.

— Передатчик дрейфует?

— Или что-то с маленьким двигателем.

Илья посмотрел на схему башни.

— Точнее определить можно, не отвечая?

— Верхняя рамочная антенна поворотная. Снимем пеленг сейчас и ещё раз через несколько минут. Если точка сдвинется, вычислим курс.

Двигатель антенны ожил с глухим скрежетом. На мониторе линия пеленга сдвинулась к отметке сто семьдесят два градуса.

Через шесть минут угол изменился на три градуса.

— Его ведёт вдоль башни. Для свободного дрейфа слишком ровно.

Илья уже собирал на столе инструменты.

— Спускаюсь и посмотрю.

— Я тоже иду.

— Остаюсь у антенны. Если это слежение, мне нужен человек, который заметит передачу раньше меня.

Катерина нахмурилась.

— Близо не подходи.

— Даже здороваться не стану.

— Илья, я серьёзно.

Он остановился у двери.

— Не ближе пятидесяти метров.

— По тросу шестьдесят.

— Поэтому и говорю: пятьдесят.

Она сказала это тише обычного. За точным расчётом слышалась тревога, которую Катерина всё ещё прятала в цифрах.

Илья спустился на нижний ярус, привязал к поясу страховочный конец и отвёл плот от опоры. Электромотор работал на малой мощности. Детский голос стал громче.

— Папа всё ещё не просыпается...

Через туман проступил цилиндрический корпус, похожий на аварийный буй. Он держался вертикально, но на воде не было якорного троса. Под резиновой юбкой иногда появлялась короткая струя — маленький винт подправлял курс.

— Источник вижу. Корпус новый, маркировки нет.

— Не приближайся.

— До него сорок метров.

— Минуту назад было пятьдесят.

— Течение с тобой не согласовало.

Артём вмешался:

— Под юбкой есть плоский блок?

Илья поднёс бинокль.

— Есть. И четыре короткие антенны.

— Тогда он ждёт мощный ответ, вычисляет направление и состояние передатчика, потом шлёт координаты.

— Уже успел?

— Исходящего пакета пока не вижу.

Илья обошёл аппарат по дуге. На крышке не было замка — только герметичный прижим. Взрывчатка внутри оставалась возможной, но для разрушения башни проще было бы ударить в опору, а не подплывать с детским голосом.

— Подтяну его тросом к отдельному бую. На плот не потащу.

— И не вскрывай до возвращения.

— Услышал.

— Повтори, чтобы я поверила.

— Не вскрывать штуку, которая плачет детским голосом и сама приплыла к башне.

— Теперь поверила.

Он набросил петлю на верхний рым и вернулся к опоре. Аппарат подтянули к внешнему краю площадки, подняли крановой талью и оставили висеть над водой. Только после этого Артём принёс пассивный сканер и проверил корпус на сильное магнитное поле и радиацию.

— Прибор ничего опасного не показывает.

— Это не значит, что там ничего опасного.

— Теперь ясно, почему вы двое не поубивали друг друга.

Илья осмотрел крышку. Проводов к крепежу не было. Он вставил плоский ключ и медленно ослабил прижим.

— Полезешь открывать?

— Пока нет. Датчика крышки не вижу.

— Вот такой ответ мне нравится.

Крышка отошла. Ничего не взорвалось.

Внутри находились аккумулятор, навигационный блок, усилитель и кассета памяти. Артём подключил её к изолированному считывателю.

— Не бомба. Хуже.

— Что может быть хуже?

— То, что выдаст наше положение, а бомбу приведут потом.

В памяти лежали четыре звуковые петли.

Ребёнок на Н-12.

Женщина с переломом ноги на плавучем доме.

Мужчина, сообщающий о пожаре на топливной барже.

И голос Ильи:

— Транспорт «Ладога» разрушен. На плоту обнаружен один выживший.

У него похолодела спина.

— Значит, мой вызов поймала не только башня.

— Его перехватили. Свежему голосу верят больше, чем записи семилетней давности.

Катерина нашла в журнале идентификатор владельца:

«КОНТУР РБ-6».

— «Рубеж».

В исходящих пакетах уже были координаты Р-3, состояние верхнего передатчика и предположительное число людей: не менее трёх.

— Передать успело.

— Короткий пакет ушёл ещё до вскрытия. Наверное, как только устройство увидело антенну.

Ниже стояла ещё одна строка:

«ЦЕЛЬ Б-19 ПОДТВЕРЖДЕНА».

Артём побледнел.

— Б-19 — мой старый позывной. Дядя оформил его, когда мне было шестнадцать.

Катерина закрыла журнал.

— Значит, они знали, что ты уцелел.

— И всё равно девять дней не возвращались.

— Ждали, пока ты включишь архив. Или приведёшь того, у кого есть физический ключ.

Взгляд Артёма опустился на жетон в руке Ильи.

— Получается, привёл.

— Они сами направили нас сюда. Это не одно и то же.

— Дяде от этого не легче.

Катерина подошла ближе.

— Если он жив, проверим. Но архив нельзя отдавать только потому, что они выбрали правильную угрозу.

Артём посмотрел на неё.

— Ты всегда раскладываешь всё по полкам?

— Только когда внутри всё разваливается.

Он хотел ответить, но радиостанция открыла служебный канал без запроса.

Шум исчез. В динамике не было ни треска, ни эха. Чистый мужской голос произнёс:

— Ретранслятор Р-3, добрый вечер. Илья Северин, Катерина Воронцова, Артём Белов.

Подтвердите приём.

Артём закрыл глаза.

— Теперь представились официально.

Илья взял микрофон.

— Представьтесь.

— Марк Вельский. Думаю, вы уже слышали это имя.

Имя прозвучало спокойно, почти вежливо.

Будто человек на другом конце канала не преследовал их через половину моря, а всего лишь постучал в дверь.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 17

Чистый канал

Несколько секунд никто не отвечал.

На служебной частоте не было обычных помех. Только ровный фон мощного передатчика. Чистота канала казалась неправильной после сотен мёртвых голосов, заполнявших башню.

Артём смотрел на динамик так, словно тот мог открыть дверь изнутри.

— Ты раньше слышал этот голос?

— Он говорил с дядей ещё до захвата. Предлагал подключить Р-3 к сети «Рубежа». Тогда звучало почти разумно.

Илья нажал кнопку передачи.

— Связь есть. Откуда вам известно, кто сейчас на Р-3?

Ответ пришёл сразу:

— Из той же сети, которая привела вас к башне. Она всё ещё работает, Илья. Просто мало кто понимает, в чьих руках управление.

Катерина взяла второй микрофон.

— Приманку с голосом ребёнка отправили вы?

— Нет. Но понимаю, почему вы так решили.

— На передатчике маркировка вашего контура.

— Старое оборудование давно переходит из рук в руки. Я не слежу за каждым устройством.

Артём беззвучно произнёс: «Врёт».

— А Дорохова вы тоже «не контролируете»?

— Дорохов получил приказ вернуть архив без стрельбы. Один человек нарушил его и понесёт ответственность.

— Значит, пуля в парусе сама решила нарушить приказ.

— Верить мне без доказательств я не предлагаю.

Вельский сделал короткую паузу.

— Мне нужны накопители Северина и Воронцова. Вам — вода, лекарства, топливо и безопасный путь. Мы можем обменяться без новых трупов.

Артём схватил микрофон.

— Каких новых смертей? Где люди с Р-3?

Впервые ответ задержался.

— Артём Белов. Рад слышать, что вы живы.

— А я буду рад, когда услышу дядю.

— Виктор Белов и Елена Савина находятся на нашей базе и получают помощь. Павел Шевцов и Роман Ли погибли, оказав сопротивление.

Артём побелел.

— Дайте его к связи.

— Когда связь станет устойчивой.

— Связь станет устойчивой, когда ваши суда подойдут достаточно близко, чтобы заглушить башню. Так что нет.

— Ваши координаты уже установлены.

Катерина забрала микрофон прежде, чем Артём успел ответить.

— Что вы знаете про «Орфей»?

Теперь пауза была дольше.

— Знаю достаточно, чтобы советовать держаться от «Орфея» подальше.

— И почему нам не идти?

— Потому что «Орфей» превратился в могилу ещё до того, как остановился.

— Забота из вас так и льётся.

— Вы путаете осторожность с заботой. Это не одно и то же.

Илья спросил:

— Вы лично знали Александра?

— Я служил в безопасности проекта и обеспечивал группу Александра. Позже работал рядом с ним, когда руководить уже было некому.

— Тогда расскажите, что случилось в день запуска.

— Александр отключил больше одного маяка.

Катерина подошла к Илье. Не вмешалась, просто встала рядом.

Вельский продолжил тем же ровным голосом:

— Центр вёл транспорты по спискам допуска. Северин решил, что спасают только избранных специалистов и семьи руководства, и разорвал связь четырёх узлов с центром. Возможно, тысячи людей получили шанс уйти с назначенных маршрутов. Но некоторые суда не получили обновлений: одно село на волнолом, другое вошло в шторм. Люди погибли.

Илья почувствовал, как в кармане тяжелеют часы деда.

— То есть вы обвиняете его?

— Я говорю, что хорошие намерения не отменяют погибших.

— А погибших после ваших решений кто считает?

— Я помню каждую такую смерть.

— Сколько людей вы не пустили на базу?

— Столько, сколько база физически не могла принять.

— И отправили их к белому маяку?

— Главный маяк появился задолго до «Рубежа».

— А теперь используете его сами.

— Я использую сеть, чтобы собирать людей, а не смотреть, как они умирают поодиночке.

— А если человек не хочет в ваш «Рубеж»?

— После проверки судна и груза человек может уйти.

Артём коротко рассмеялся.

— Дядю тоже отпустили после проверки?

— У вашего дяди был доступ к военной сети. Пока мы не выяснили, кому он передавал данные, отпустить его было нельзя.

— То есть не отпустили.

— Короткий ответ удобен, но редко честен.

Голос Вельского стал жёстче, хотя громкость не изменилась.

— Мои суда будут через три часа. Скопируйте личные записи, служебный архив оставьте в терминале и спуститесь без оружия. Стрелять никто не станет.

— А если мы ничего не оставим?

— Южная батарейная секция перегревается, пожаротушение не работает. Если один модуль уйдёт в разгон, вы потеряете и башню, и архив.

Катерина прикрыла микрофон ладонью.

— Откуда он видит температуру?

— Маяк снял телеметрию. Или у них осталась закладка после прошлого рейда.

Илья снова открыл канал.

— Три часа. Почти щедрость.

— Я не хочу, чтобы вы погибли, Илья.

— Вы даже не знаете меня.

— В пятнадцать лет вы пытались угнать ремонтный катер, чтобы искать деда в затопленном районе. Береговая охрана сняла вас ещё до выхода из гавани. Этого достаточно.

Илья ничего не сказал.

Катерина коснулась его плеча — коротко, так, чтобы видел только он.

— У меня сохранился фрагмент личной записи Александра. Послушайте.

В эфире зашуршал старый файл. Потом прозвучал голос деда:

— Если маршрут дошёл до Ильи, С-12 выполнил обещание. Не дайте центральному узлу открыть второй слой. Там не убежище. Там способ...

Запись оборвалась.

— Где продолжение?

— Остальное получите после передачи накопителей.

— Вы обрезали запись.

— Конечно. Иначе разговор закончился бы слишком быстро.

Канал закрылся.

Аппаратная снова наполнилась чужими голосами. Теперь они звучали почти тише, чем молчание после Вельского.

— Он мог склеить запись из старых фрагментов.

— Мог и не успеть.

— И изменить смысл.

— Тоже мог.

Она повернулась к нему.

— Но голос ты узнал.

— Узнал. Поэтому и злюсь.

Катерина не стала убеждать его, что это ничего не значит.

Артём вывел на экран температуру батарей. Южная секция достигла шестидесяти двух градусов.

— При тепловом разгоне один блок нагреет соседние. Модули литиевые, вентиляция плохая, пена не поможет. Нужно разорвать цепь.

— Автоматика совсем мертва?

— Контактёр не отвечает. Ручной размыкатель находится в С-2 под батарейным отсеком.

Катерина уже брала фонарь и защитные перчатки.

— Покажи, как пройти.

— Сначала копируем архив. Потом лезем к питанию.

— А если температура ещё вырастет?

— Тогда поменяем порядок и пожалеем об этом на бегу.

Они запустили копирование. Половина файлов читалась с ошибками. Артём переносил их на три разных накопителя, чтобы не потерять всё сразу. Катерина снова открыла личный файл отца, но система запросила фразу-ключ.

— Отец любил созвездия, но паролей из них можно придумать сотню.

— Вспомни не слово. Вспомни, что он повторял тебе постоянно.

— Потом у него спросим, — вырвалось у неё.

Она замолчала.

— Слишком добрая фраза для этого места.

— Поэтому и больно.

Он хотел ответить, но снаружи загудел двигатель.

Туман на западе редел. В просвете показалась тёмная точка. Затем вторая.

Артём поднялся к окну.

— Сам Вельский не придёт.

— С чего ты взял?

— Люди с таким чистым голосом первыми под дождь не выходят.

Радиостанция ожила голосом Дорохова:

— Р-3, откройте нижний шлюз и отойдите от оборудования. Больше предупреждений не будет.

Илья посмотрел на часы деда.

С момента разговора с Вельским прошло двадцать семь минут.

— У него удивительно короткие три часа.

Артём проверил монтажный пистолет.

Катерина подняла ракетницу.

Башня под ногами едва заметно вздрогнула.

На панели южной секции загорелся красный огонь.

© Mikhail Play, 2026. Все права защищены.

ГЛАВА 18

Канат между огнём и морем

Первый хлопок был похож на удар дверью.

Второй пришёл снизу и отозвался во всей башне. Свет мигнул. Из вентиляции потянуло сладковатым химическим запахом. На схеме питания южный батарейный блок стал красным, затем погас вместе со всем сектором.

— Контакты сварились. Цепь всё ещё под током.

— Ручной размыкатель где?

— С-2. Прямо под аккумуляторным отсеком.

Катерина уже надевала защитные очки, перчатки и фильтрующий респиратор.

— Я спущусь.

— Там может быть токсичный дым.

— Поэтому ты останешься у вентиляции и скажешь, когда пора бежать.

Илья взял её за локоть.

— Я иду с тобой.

— Ты нужен наверху. И нога у тебя хуже.

— Там заклинивший размыкатель. Это моя работа.

— А здесь два катера и кран, на который ты смотришь с первой минуты.

Он понял, что она заметила.

— Горячую дверь не открывай. Перед размыкателем не стой. Белый плотный дым — сразу назад.

— Услышала.

— Катя, без геройства.

Она остановилась на лестнице. Он впервые назвал её так вслух.

— Увижу дым — уйду. Обещаю.

Катерина исчезла в шахте.

Снаружи заговорил громкоговоритель Дорохова:

— Р-3, через пять минут нижняя площадка будет занята. Не сопротивляйтесь.

Илья вышел на западный балкон. Катера подходили с двух сторон. Один нёс абордажную группу, второй держался дальше и прикрывал прожектором.

Над южной площадкой висела старая сервисная ферма — тяжёлая решётчатая конструкция, которой когда-то поднимали грузы с воды. Её удерживал кран и два страховочных троса.

— Что придумал?

— Опущу ферму перед катером. Не на людей. Волна прижмёт их к внешней стороне.

— Она больше тонны.

— Поэтому я использую кран.

— Страховочный трос весь в ржавчине.

— Снаружи. Сердцевина ещё живая.

— Когда успел проверить?

— Пока ты жаловался на кашу.

Артём посмотрел вниз, на их плот.

— Лопнет трос — ферма снесёт плот.

— Значит, плот убираем. Есть спасательная лодка?

— На северных шлюпбалках сервисный катамаран. Двигателя и батареи нет, правый понтон понемногу травит.

— Перенеси на неё мотор и батарею. Сначала архив и воду.

— Сам?

— Пока сам. Потом придут лишние руки или паника.

— Обычно паника приходит первой.

— Значит, план проверенный.

Артём побежал вниз.

Илья включил насос крана. Манометр поднялся только до половины рабочего давления, но стрела дрогнула. Он открыл перепускной клапан. Ферма медленно пошла вниз.

— Северин! Отойди от крана!

— Вы дали нам три часа!

— Приказ уже изменился!

— Очень удобно менять приказ издалека!

Первый катер подошёл к южной опоре. Люди подняли багры. Илья опустил ферму ещё на метр. Её нижний край ударил по воде прямо перед носом катера. Волна швырнула судно боком. Никого не задело, но подход сорвался.

— Я не пытаюсь вас утопить! Не вынуждайте передумать!

Дорохов поднял руку, запрещая стрелять.

На северной стороне раздался одиночный выстрел. Пуля ударила в металл далеко от Ильи — предупреждение или ошибка.

Радиостанция зашипела.

— Я у С-2, — сказала Катерина, тяжело дыша. — Дверь горячая.

— Не открывай её.

— Размыкатель за дверью.

— Ты обещала отойти.

— Дыма не вижу. Жар идёт изнутри. Мне хватит нескольких секунд.

Илья закрыл глаза.

— Открой на ладонь. Если воздух рванёт наружу или увидишь белый дым — захлопывай.

— Белый дым — закрываю. Запомнила.

Связь оборвалась.

Артём вернулся, таща герметичный контейнер и свёрнутый парус.

— Архив уже у северных шлюпбалок. Катамаран опустил. Мотор снял, батарею один не подниму.

— Возьми цепную таль.

— А плот оставлять?

Илья посмотрел вниз. Волна прижимала его к бетонной опоре. Мачта скребла по краю площадки.

— Оставляем. Он своё сделал.

Слова дались тяжелее, чем ожидалось. Несколько дней плот был единственным местом, которое зависело только от него. Он строил его руками, расширял, латал, ругал. Теперь тот умирал у опоры, как маленькое судно, которому не дали имени.

— Мотор, вода, архив, инструменты. Всё остальное бросай.

Снизу ударили по двери нижнего яруса. Металл прогнулся.

— Северин, открой! Нам нужен только архив!

— Архив уже не здесь!

Артём ухватился за таль.

— На сколько хватит двери?

— На две плохие идеи.

— А на третью?

— Третья будет нашей.

Башня внезапно заговорила громче. Пожарный режим открыл защищённую очередь и начал выбрасывать её в общий эфир.

— ...нас осталось пятеро, вода поднялась до второго этажа...

— ...не оставляйте нас здесь...

Потом прозвучал голос Александра Северина:

— Илья, я тебя не бросил. Я просто не успел...

Илья замер.

Эту фразу он видел в тетради, но никогда не слышал.

— Система решила, что носитель погибнет. Сбрасывает в эфир всё неподтверждённое.

— «Рубеж» тоже это слышит?

— Уже.

В нижней двери появилась щель. В неё просунулась рука в перчатке.

Дорохов закричал:

— Не стрелять! Внутри пожар!

— Наконец заметили!

Радиостанция ожила голосом Катерины:

— Рукоять идёт на пару градусов и возвращается.

— Перед ней не стой. Если дуга разорвёт контакты, металл полетит вперёд.

— Нужен рычаг длиннее.

Артём поднёс свой микрофон.

— Ищи красную трубу с крюком. Аварийный багор.

— Нашла.

Илья передал кран Артёму.

— Держи ферму в воде. Полезут вперёд — опускай ещё, но дай людям отойти.

— А ты куда?

— За Катей.

— Там уже люди «Рубежа».

— Поэтому держи дверь и не лезь геройствовать.

Артём усмехнулся без радости.

— От тебя это особенно убедительно.

— Уже пожалел, что сказал.

Коридор С-2 был заполнен серым дымом, но не белым. Илья надел второй аварийный респиратор и спустился. За горячей дверью Катерина стояла сбоку от размыкателя и давила на багор всем весом. Рукоять сдвигалась и возвращалась.

— Назад! Сейчас!

— Ещё чуть-чуть.

Он встал рядом и взялся за багор ниже её рук.

— Ты должен быть наверху!

— Один!

— Илья, ты слышишь меня?

— Два!

Они надавили вместе.

Металл заскрежетал. Внутри шкафа вспыхнула синяя дуга. Размыкатель сорвался вниз. Удар отбросил багор к стене.

Сирена изменила тон.

На панели загорелось:

«ЮЖНАЯ СЕКЦИЯ ОТКЛЮЧЕНА».

Катерина прислонилась к стене.

— Сработал!

— Пожар ещё не остановился.

Из шахты донёсся крик Артёма:

— Наверх! Горит кабельная трасса!

Они поднялись. Огонь уже бежал по оболочке кабелей к мачте. Ветер вытягивал пламя вверх. Высота загорелась первой, будто башня решила начать рушиться с неба.

На северной площадке сервисный катамаран висел в метре над водой. Правый тормоз шлюпбалки заклинило, и корпус перекосило.

— Режем правый трос.

— Ферма рухнет.

— Левый барабан открыт. Канат уйдёт следом. Высота небольшая.

— Уверен?

— Нет времени проверять.

Она достала нож.

— Вот теперь узнаю.

Они перерезали правый трос. Катамаран сорвался, качнулся и ударил понтоном о воду. Левый канат справился, смягчив падение.

Артём спустил архив и батарею. Снизу на площадке появился человек «Рубежа». Он не целился. Лицо было белым от порошка и дыма.

— Уходите! Верхняя оттяжка сейчас сорвётся!

Над ними лопнул металлический трос.

Решётчатая мачта вздрогнула.

— Артём, вниз!

Парень схватился за канат и спустился в катамаран. Катерина пошла следом.

Илья привязал переносной блок управления к отдельному концу.

— Северин! Брось блок, он утянет тебя вниз!

— Тогда не пытайтесь поймать.

Илья шагнул за край.

Канат обжёг ладони. Внизу Катерина поймала его за куртку и втянула в лодку.

— Мотор сюда!

Артём подал питание. Электродвигатель заработал со второго раза. Катамаран отошёл от опоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.